

ЛИСТ

Г. Георгиевна

Инструктор альп

6. Партийность б/п

Центральная часть Глав

22 г. по январь 1943 г.

ИТ.

10. Каким РВК призван

наград

раждению и адрес его семьи

боевого подвига или заслуг

приказание командо ван
интендант 2 ранга КАРАТА
турные восточной верши
тя и заграждения в усло
нного воздуха и штурмо
ась на высоту 5595 метр
ла снятие фашистских
дей точке Европы госуда

интендантом 2 ранга
и выполнении задания,
правительственной награ

ДЕЛЬНИИ
фронта

Гусев /ГУСЕВ/

КАРТАВАЗ

ПОСТИЖЕНИЕ ЭЛЬБРУСА

БИЛЕТ № 584
УЧАСТНИКА ПЕРВОЙ АЛЬПИИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКО
АВТОНОМНОЙ ОБЛАС

Фамилия *Кардашев*
Имя и отч. *Васильевич*
кого района *1-й*
Родителя

Сборник Мария и Виктор Котляровы Кавказ. Выпуск XV. Постижение Эльбруса

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66322438
Кавказ. Выпуск XV. Постижение Эльбруса: Нальчик; 2014
ISBN 978-5-93680-710-7*

Аннотация

В настоящем издании, являющемся своеобразным продолжением книги «Покорение Эльбруса», рассказывается о восхождениях на высочайшую вершину Европы, ее изучении в советский период.

Публикуется отчет экспедиции Северо-Кавказского краевого отделения Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) – работа В. А. Еланчика и Н. Ф. Тизенгаузена «На высочайшую вершину Кавказа», не переиздававшаяся с 1930 года.

Работой «Поход на Эльбрус», публикуемой впервые после 1936 года, представлен С. С. Анисимов – известный русский и советский географ, автор популярных в начале прошлого века книг «К ледяным полям Эльбруса», «От Казбека к Эльбрусу», «Эльбрус».

Виктор Корзун – первый покоритель зимнего Эльбруса: 17 января 1934 года он вместе с Александром Гусевым поднялся на Восточную вершину великана. А еще через год – 14 января 1935 года – взошел и на Западную вершину, став первым отечественным альпинистом, покорившим в зимний период обе главы Эльбруса. Об этом Виктор Корзун поведал в книгах «Три года на Эльбрусе» (1936) и «Эльбрус» (1938), представленных в данном издании.

Заключает том «Эльбрусская летопись» – знаменитая работа энциклопедического характера (автор – ветеран альпинизма В. Ф. Кудинов), рассказывающая о покорении и изучении высочайшей вершины Европы.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От издательства. Летопись мужества и подвига	6
В. А. Еланчик, Н. Ф. Тизенгаузен. На высочайшую вершину	18
Цель нашей экспедиции	20
Последние дни в Ростове и выезд в Нальчик	25
Два дня в Нальчике	29
Наш путь по Баксану	34
Верхний Баксан, бывшее Урусбиево	44
Селение Тегенекли	49
Тренировочное восхождение на хребет Юсеньги	53
От Тегенекли к подножию Эльбруса	61
От Азау до Кругозора	66
Через ледниковые трещины, по фирновым полям – к скалам Приюта одиннадцати	72
На скалах Приюта одиннадцати	83
Штурм Восточной вершины	88
Через облака на Кругозор	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Кавказ. Выпуск XV.

Постижение Эльбруса

© Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграф-сервис и Т»), 2014

© М. и В. Котляровы, составление, 2014

© Ж. А. Шогенова, оформление, 2014

От издательства. Летопись мужества и подвига

В настоящем издании, являющемся своеобразным продолжением книги «Покорение Эльбруса», рассказывается о восхождениях на высочайшую вершину Европы, ее изучении в советский период.

В начале тридцатых годов прошлого века на смену Российскому обществу туристов (РОТ) пришло общество пролетарского туризма (ОПТ РСФСР), преобразованное впоследствии во Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). В марте 1931 года в Ростове-на-Дону состоялась первая конференция общества Северо-Кавказского края, на которой был избран краевой совет ВДОПТЭ. Среди его членов есть фамилии Еланчика и Тизенгаузена – альпинистов, чей отчет о восхождении экспедиции Северо-Кавказского краевого отделения ОПТ на Восточную вершину Эльбруса в 1929 году открывает книгу.

Николай Федорович Тизенгаузен (1896–1971) – писатель, журналист. Принадлежность к дворянству вынудила его в советское время в целях безопасности постоянно переезжать из города в город, а впоследствии эмигрировать на Запад. В 1929 году он жил в Ростове-на-Дону, где работал в ОПТЭ. За это время четыре раза побывал на Эльбрусе, 15 раз – на

Казбеке.

Имя его соавтора – советского альпиниста В. А. Еланчика, встречается среди горовосходителей, покоривших ряд вершин Главного Кавказского хребта. В частности, руководимая им группа поднялась на Базар-Дюзи (Азербайджан) в 1935 году.

Книга «На высочайшую вершину Кавказа», вышедшая в 1930 году, впоследствии не переиздавалась.

Известный русский и советский географ Сергей Сергеевич Анисимов (12.03.1876–28.10.1948) через всю свою жизнь, которая пришлась на непростое, переломное в истории России время, пронес возвышенную любовь к Кавказу – краю, «где можно созерцать нетронутую красоту природы, где можно найти богатейший материал в области исследования всех естественно-исторических наук, где на небольшом относительно пространстве пред путешественником проходят все стадии жизни человека на земле от тех первобытно-пастушеских времен, когда люди пасли стада и дружески принимали странников, до современной промышленной культуры с трубами заводов, с грохотом и шумом машин, трамваев и автомобилей».

Занимаясь подготовкой к печати работ С. С. Анисимова, пишушие эти строки были поражены тем, насколько скуден имеющийся материал о биографии самого географа, хотя умер он каких-то 65 лет назад. Почему же так произошло? Может, имелся какой-то запрет на упоминание име-

ни Анисимова? Идеологическая составляющая, закрывшая путь его книгам в наше время? Последняя, конечно, была, но, очищенные от ее шелухи, труды Сергея Анисимова, написанные в годы советской власти, только выиграли бы, обрели большую цельность, емкость, образность. Вчитываясь в книги краеведа, написанные в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, буквально ощущаешь, насколько тяжело даются ему притянутые за уши вставки в поэтический текст здравниц и славниц советскому строю и вождю. Но без этого обрамления работам этим был заказан путь к читателю.

На наш взгляд, дело не в каком-то мифическом заговоре или недругах писателя-краеведа, а в том, что не нашлось людей, заинтересованных в возвращении его творчества – ближайшие родственники умерли, детям их оказалось не до трудов забытого предка, тем более что материальная составляющая от их переиздания никак не могла быть прибыльной.

Интерес к Кавказу пробудился у Сергея Сергеевича еще в студенческие годы, вылившись в самую первую книгу – «Вечный снег и лед» (1901) – восторженный гимн природе гор. И еще почти 20 раз после этого (самостоятельно и в составе научных экспедиций) приезжал Анисимов на Кавказ – совершал путешествия по его ущельям и долинам, прокладывал и описывал туристические маршруты, знакомился с достопримечательностями природы и историческими памятниками, изучал менталитет проживающих здесь народов, пристально и заинтересованно вглядываясь и пропаган-

дируя их обычаи и традиции. Эти поездки вылились в многочисленные краеведческие книги, которых за тридцать пять лет было написано более тридцати. Их общий объем составил свыше 170 печатных листов. Среди них такие книги, как «Вечный снег и лед» (1901), «Кавказ» (1906), «Картины Кавказа» (1915), «На высоте» (1923), «К ледяным полям Эльбруса» (1925), «От Казбека к Эльбрусу» (1928), «Кавказские Альпы. Путеводитель по Кабарде и Балкарии» (1929), «Эльбрус» (1930), «Поход на Эльбрус» (1936), «Кабардино-Балкария» (1937).

Особенно должна быть благодарна С. С. Анисимову Кабардино-Балкария – его первая и главная любовь, которой он остался верен до конца своей жизни. Тем не менее, имя человека, сделавшего очень много для популяризации нашей республики, да и всего Кавказа в целом, сегодня практически никому, за исключением библиографов, не известно. Забыт он сам, забыты его многочисленные книги, не переиздававшиеся долгие десятилетия. И это несмотря на то, что многие их страницы написаны языком образным, они эмоциональны и искренни, продиктованы восторгом перед красотами нашего края.

Любовь к Кавказу географ передал своей дочери Татьяне – талантливая художница, она с раннего детства сопровождала отца во многих его путешествиях, запечатлев на своих картинах горы и горцев. Особенно много работ посвятила Татьяна Приэльбрусью.

Все свои работы по Кавказу Сергей Анисимов делил на разделы, относя к первому из них художественные и художественно-географические очерки о высокогорных областях; ко второму – научные работы, явившиеся результатом экспедиций в Сванетию (1928–1929) и Северную Осетию (1936), к третьему – работы научно-описательного характера (статьи для энциклопедий и справочников); к четвертому – научно-популярные книги; к пятому – опыты научно-популярной обработки общего путеводителя по региону и отдельным районам; к шестому – популярные географические монографии с маршрутами. И в каждом из этих направлений он преуспел – общий объем выпущенных им работ, причем без учета более 60 статей в журналах «Всемирный турист», «Огонек», «На суше и на море» и ряда других, превышает 220 печатных листов. Шесть-семь многостраничных томов!

В годы Великой Отечественной войны С. С. Анисимов неоднократно выезжал на линию фронта, где выступал с лекциями перед бойцами, образно и восторженно рассказывая об истории и географии страны, которую они защищали. В 1943 году вышла последняя работа С. Анисимова – географическая монография «Путешествие П. А. Кропоткина», за которую ему была присвоена степень кандидата географических наук.

Известный географ не был обласкан советской властью, не удостоен высоких государственных наград. И это по большому счету несправедливо, ведь, как говорилось в Почет-

ной грамоте Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР (1946), «Развитие туризма в СССР тесно связано с именем писателя-географа С. С. Анисимова. Многие годы своей жизни т. Анисимов посвятил делу изучения и описания нашей Родины. Его многочисленные справочники, путеводители и другие труды по Кавказу были теми пособиями, на основе которых советские туристы и альпинисты прокладывали свои первые пути в горах и строили планы своих восхождений. Товарищ Анисимов известен среди наших туристов и альпинистов как увлекательный докладчик и как активный общественник, вложивший немало труда в дело подготовки кадров инструкторов, руководителей и экскурсоводов».

Будучи на отдыхе в Гаграх в 1948 году, Сергей Сергеевич умер. Влюбленный в Кавказ, открывший ему свое сердце, он ушел в небытие на его земле, с его образом в глазах. И Кавказ, как свидетельство верности, принял его последнее дыхание.

Виктор Корзун – первый покоритель зимнего Эльбруса: 17 января 1934 года он, на тот момент начальник Эльбрусской метеостанции, и его товарищ Александр Гусев поднялись на Восточную вершину великана. А еще через год – 14 января 1935 года – он же, Корзун, взошел и на Западную вершину, став первым отечественным альпинистом, покорившим в зимний период обе главы Эльбруса.

Он родился 1 мая 1913 года на Ставрополье – в казачьей

станции Кисловодской. Окончил семь классов (в те годы это называлось семилеткой) второй школы, в которой посещал занятия семинара по подготовке кадров для экскурсионного бюро общества «Советский турист». Летом 1929 года, в шестнадцать лет, начал работать проводником экскурсионного бюро КМВ Акционерного общества «Советский турист».

Последующие три года стали решающими в судьбе Виктора Корзуна, вдоль и поперек, как он сам пишет в книге «Три года на Эльбрусе», исходившего Карачай, Кабарду, побывавшего в теснинах Малки и Эшкакона, излазившего вершины Скалистого хребта, поднимавшегося на скалы Бермамыта, Кинжала, Шит-Жатмаса, перешедшего десятки перевалов Главного Кавказского хребта.

Исходя из этих названий вполне объяснимо желание молодого гида покорить Эльбрус, желание, кстати говоря, жившее в нем с детства. И уже в феврале 1932 года Виктор, на тот момент инструктор организационно-массовой работы при Кисловодском райсовете Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), вместе с товарищами – чертежником при заводе розлива нарзана Вячеславом Никитиным и рабочим городской электростанции Анатолием Еремеевым – предпринимает ...лыжное восхождение на Эльбрус. Причем не от самого подножия, а по многокилометровому маршруту. Вот его этапы: Кисловодск – Северное подножие Эльбруса – перевал Кыртык-Ауш – селение Тегенекли – перевал Бе-

чойский – Местия – селение Тегенекли. Дальше предполагалось взойти на вершину Эльбруса. Экспедиция та, граничившая с авантюрой, во многом спонтанная, неподготовленная, естественно, закончилась неудачей. Но она только подзадрила девятнадцатилетнего альпиниста.

Обратимся к очерку Игоря Гориславского «Заветная мечта», предваряющего публикацию нашим издательством книги Виктора Корзуна «На заоблачных высотах»: «В июле 1932 года Корзун заведовал турбазой «Кругозор» на южном склоне Эльбруса на высоте 3200 м над уровнем моря. Здесь он познакомился с директором Кавказского горного бюро погоды К. К. Туроверовым, который искал людей для организации высокогорной метеорологической станции. Мысль о строительстве зимней базы на Эльбрусе пришла В. Корзуну и его ближайшему другу В. Никитину по душе. Это позволяло приблизиться к давней мечте, пройти акклиматизацию и выбрать благоприятные погодные условия для зимнего восхождения».

Последующие месяцы были заняты покупкой необходимого оборудования, овладением простейших метеорологических навыков, доставкой приборов на метеостанцию и вот, наконец, в декабре они – начальник станции В. Корзун, помощник и наблюдатель В. Никитин, радист С. Лысенко – встречают новый 1933 год на Эльбрусе.

А уже 3 января Виктор Корзун вместе с Вячеславом Никитиным предпринимают очередную попытку покорить зим-

ний Эльбрус. Но и опять его постигает неудача.

Еще через год состоялась очередная попытка. О том, как покорили Эльбрус зимой, сам Виктор Корзун поведал в книгах «Три года на Эльбрусе» (1936) и «На заоблачных высотах» (1957). Последнюю наше издательство вернуло читателям, включив ее в сборник «Первовосхождения на Эльбрус» (Нальчик, 2007). Открывает ее глава «Впервые в истории», которая повествует, как «в один из январских дней 1934 года двое зимовщиков высокогорной Эльбрусской гидрометеорологической станции, расположенной на высоте четырех тысяч двухсот пятидесяти метров над уровнем моря, решились на новый штурм зимнего Эльбруса».

Двенадцать часов длилось восхождение молодых альпинистов, известие о котором через несколько дней, когда была налажена работа радиостанции, разлетелось по всему миру.

С восхождением Виктора Корзуна на Восточную вершину все ясно, а вот относительно первого зимнего восхождения на Западную вершину Эльбруса есть вопросы. У самого Корзуна в книге «Три года на Эльбрусе» читаем: «Встретили новый 1935 год. 13 января. На «Приют одиннадцати» прибыла первая Кабардино-Балкарская колхозная альпиниада. 14 января. Саша Горбачев и я, произведя разведку для восхождения колхозников, совершили за 8 часов 10 минут в бурю первое зимнее восхождение на Западную вершину Эльбруса с проведением метеорологических наблюдений в пути». Все четко и однозначно. Тем не менее, Владимир Куди-

нов в «Эльбрусской летописи» пишет: «Первое зимнее восхождение на Западную вершину совершено Николаем Гусаком», причем отталкивается в своих сведениях от книги В. Корзуна «Эльбрус»: «В январе 1935 г. зимовщиками было совершено первое зимнее восхождение на Западную вершину». Отчего произошло это досадное несоответствие, до сих пор неясно. Скорее всего, В. Кудинов ошибся. Но даже если это не так, все равно именно Виктор Корзун остается первым альпинистом, покорившим Восточную и Западную вершины Эльбруса в зимних условиях.

О том же, какими были будни зимовщиков, рассказал сам Виктор Корзун в своих книгах. А вот каким его увидел Сергей Анисимов, автор книги «Поход на Эльбрус»: «И вдруг мимо палаток резко прожужжали лыжи и неожиданно вниз понесся человек. Это был метеоролог-наблюдатель Виктор Корзун, прошедший на Эльбрусе уже две зимы на метеорологической станции, несколько выше «Приюта одиннадцати», на высоте 4250 м – на так называемом «Приюте девяти».

Корзун быстро летел, делая виражи, поднимая снежный вихрь, и в минуту обратился в черную движущуюся точку среди снежных и ледяных пустынь Эльбруса. И видя этого человека-муху, летающего на лыжах, глаза начинали понимать всю грандиозность Эльбруса. Но вот он поднялся на лыжах ближе к палаткам лагеря, и стало слышно, как он напевал, не подозревая, чтобы кто-нибудь мог видеть и слышать его в сонном лагере, и затем снова бросился на лыжах вниз,

то замедляя ход, то ускоряя спуск, то прыгая на легких буграх.

Носясь по Эльбрусу, Корзун, казалось, весь отдавался радости, рожденной в нем светом утра и силой кипевшей жизни.

Когда он подошел к палаткам, лицо его было радостно и в то же время серьезно. Он был неподражаемо легок и грациозен на своих лыжах, а его улыбка и глаза усиливали собой разлитое в это утро на Эльбрусе ликование жизни».

Таким, парящим на ледниках Эльбруса, он и остается в нашей памяти...

«Эльбрусская летопись» – знаменитая работа о высочайшей вершине Европы и мужественных людях – первовосходителях, альпинистах, ученых, строителях – тех, кто шел на его склоны и вершины, чтобы приблизить к нам снежного великана, раскрыть его загадки и заставить служить людям, завершает наше издание.

Ее автор – ветеран альпинизма Владимир Федосеевич Кудинов. Родившийся в Москве, работавший на заводе «Каучук», участвовавший в строительстве Московского метрополитена, в 1934 году он приехал в Кабардино-Балкарию и навсегда связал свою жизнь с горами и, прежде всего, с Эльбрусом, работая многие годы на его склонах и турбазах. В. Ф. Кудинов также является автором книг «Эльбрус в наши дни» (1954), «Альпинизм в Кабардино-Балкарии» (1957), на основе которых и была создана «Эльбрусская

летопись» (1969).

Мария и Виктор Котляровы

В. А. Еланчик, Н. Ф. Тизенгаузен.

На высочайшую вершину

...В советские времена на смену Российскому обществу туристов (РОТ) пришло общество пролетарского туризма (ОПТ РСФСР), на базе которого было создано Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). В марте 1931 года в Ростове-на-Дону состоялась первая конференция общества Северо-Кавказского края, на которой был избран краевой совет ВДОПТЭ. Среди его членов есть фамилии Еланчика и Тизенгаузена – альпинистов, чей отчет о восхождении экспедиции Северо-Кавказского краевого отделения ОПТ на Восточную вершину Эльбруса в 1929 году публикуется ниже. В активе этого творческого дуэта горовосходителей не только данная работа, но и составление карты Центрального Кавказа, основанной на Лондонском издании Фрешфильда, изданной в 1933 году тем же Северо-Кавказским краевым советом ОПТЭ.

Николай Федорович Тизенгаузен (1896–1971) – писатель, журналист. Родился в семье генерал-майора Русской императорской армии, жившей в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны старшие братья Тизенгаузена воевали на фронте. В 1917 году вернулись в Петроград, где были арестованы большевиками и расстреляны. Николай Федоро-

вич в целях безопасности постоянно переезжал из города в город. В 1929 году поселился в Ростове, где работал в ОПТЭ. За это время четыре раза побывал на Эльбрусе, 15 раз – на Казбеке. В 1937 году был арестован, провел три года в заключении. В сороковых годах вместе с женой оказался в Австрии, впоследствии эмигрировал в США. Жил в Нью-Йорке, работал в «Новом журнале», публиковался под псевдонимом Н. Туров. Его очерки и статьи были далеки от альпинизма, а касались лично пережитого в годы советской власти. Их названия говорят сами за себя: «Встреча с Абакумовым в тюрьме НКВД», «Парилка», «Чекисты за работой», «Падение Ростова»...

Имя советского альпиниста В. А. Еланчика после выхода книги «На высочайшую вершину Эльбруса» встречается среди горвосходителей, покоровших ряд вершин Главного Кавказского хребта. В частности, руководимая им группа поднялась на Базар-Дюзи (Азербайджан) в 1935 году.

Цель нашей экспедиции

Июль-август – лучшие месяцы для восхождения на Эльбрус. Вот почему это время было избрано Северо-Кавказским краевым правлением общества пролетарского туризма для снаряжения экспедиции на высочайший пик Европы, на величайшую вершину Кавказа – огромный и загадочный для многих Эльбрус.

Эльбрус расположен на территории Северного Кавказа. Значение его, как интереснейшего объекта для высокогорного туризма, выходит за пределы не только одного Кавказа, но и всего СССР. Помимо множества туристов, стремящихся со всех концов нашей необъятной советской республики «попытать счастья на Эльбрусе», мы видим тягу к нему и из-за границы. Лучшие иностранные альпинисты, занесенные в историю мирового альпинизма, побывали на нем.

Эльбрус является прекрасной школой для высокогорного туризма. Многие альпинисты получили на нем свое первое крещение. Многие, ползавшие по огромным фирновым полям его, через зияющие трещины ледников, получили боевую, военную закалку, испытали свои силы, выносливость, проверили способность ориентировки в трудных, неизвестных местах.

Несмотря на то что до нас в истории восхождения на Эльбрус было зарегистрировано в литературе 24 удачных подъ-

ема, мы не имели почти никаких практических указаний подготовки нашей экспедиции. Так, например, перелистывая кое-какую литературу о восхождении на Эльбрус, мы наткнулись на следующее «практическое указание».

«Для достижения высшей вершины Эльбруса в 18 000 футов, при благоприятной погоде необходимо иметь с собой запас угляев, теплые одеяла, достаточное количество провизии, несколько тонких досок и веревок, на всякий случай, для устройства переправ через трещины...», но Г. И Радде, писавший эти строчки в 1865 году, в своих воспоминаниях не указал точно – какой же вес этого снаряжения. Но, очевидно, груз, рекомендуемый Радде, – не и легких, т. к. дальше он дает следующий совет: «Для переноски всего этого достаточно взять 10–12 сильных карачаевцев. Прежде всего этим людям должны быть назначены денежные премии для возбуждения в них соревнования».

Ряд практических указаний давала статья Фролова, побывавшего три раза на вершине Эльбруса (помещена в одном из вестников «Ежегодника горного общества»).

Северо-Кавказская экспедиция Общества пролетарского туризма преследовала исключительно туристско-исследовательские цели: где лучше всего делать остановки, как идти, сколько времени нужно для подъема, какое необходимо снаряжение, продовольствие, как обстоит дело с проводниками и т. д. Сбор этих практических сведений позволил сделать вывод, который и являлся конечной целью, поставленной на-

шей экспедицией: доступны ли вершины Эльбруса для массового восхождения.

О трудностях подъема на вершины Эльбруса, о недоступности их для рядовых, «смертных» туристов можно найти целый ряд прямых и косвенных указаний как в дореволюционной, так и в современной литературе.

Известный кавказовед Анисимов, написавший ряд популярных книг о Кавказе, в своем путеводителе пишет, что «Эльбрус доступен только очень тренированным, здоровым, счастливым альпинистам».

Если вы обратитесь к горцам, которые живут в аулах, разбросанных в районе Эльбруса, и зададите им вопрос – можно ли залезть на вершину этого великана, то различные группы горцев ответят вам по-разному.

Горцы, занимающиеся проводничеством, часть их молодежи скажут вам, что подняться легко, и в большинстве случаев предложат свои услуги в качестве проводников, другая же часть, главным образом, пожилая, заявит, что на вершине Эльбруса никто не был и никто никогда не взойдет.

Это мнение о недоступности Эльбруса и вообще больших снеговых гор связывается с религиозными предрассудками. Достаточно вдуматься в значение многочисленных названий величайшего кавказского гиганта, чтобы прийти к заключению, что это так.

Черкесы называют Эльбрус *Куска-Мафь* – «гора, приносящая счастье». Они же называют ее и *Аш-гамахо* – «свя-

щенная высота».

Русско-тюркское название – *Джин-падишаха* – означает «царь горных духов». Имеются и другие названия: кабардинское *Ашхама-хуа* – «гора дня», грузинское *Ял-уз* – «грива снега», персидское *Альборз* – «высокая гора». Самым распространенным названием является *Минги-тау* – «двухголовая, тысячная гора».

Тот же Анисимов, описывая переход из Балкарии в Сванетию через Донгузорунский перевал, имеющий высоту всего 3200 м, указывал, что проводник, делая замечания разговаривающим, ссылаясь на то, что «нельзя беспокоить бога у подножия его жилища».

Природные условия, обуславливая хозяйственную деятельность народов, вместе с тем влияют на характер религии, те или другие мифы, сказания и легенды.

Не Бог творил человека по «образу и подобию своему», как утверждают Библия и другие священные книги, а человек, не умея правильно объяснить окружающую его природу и общественные отношения, в которых он жил на известной ступени своего развития, создавал фантастический сверхъестественный мир; в сознании этих народов природа; социальные отношения отражались в искаженном виде, подобно тому, как кривое зеркало искажает отраженные в нем предметы.

Народы горных долин и ущелий «поселяли» своих богов на горных высотах. Народы, живущие по берегам морей и

занимающиеся рыболовством, отводили место своим богам на глубинах морей и океанов (водяные, русалки). Охотники, живущие в лесах, населяли последние лешими и лесными феями.

Ростовские любители гор, правда, не поднимавшиеся на вершины Эльбруса, а бродившие по его склонам, называли нашу экспедицию чуть ли не безумной затеей. Они сравнивали наше восхождение на Эльбрус с путешествием на северный полюс.

– Только сумасшедшие могут решиться провести несколько ночей на вечных льдах.

– А что если подымется снежный буран, который пробудет на Эльбрусе 5–6 дней? Что будет с вами, занесенными глубоким, непроходимым снегом, без огня, продовольствия?

Мы слушали, «наматывали на ус» благие советы, но в то же время деятельно готовились.

Трудностей было много. Литература об Эльбрусе была разноречива, не было конкретных указаний о пути, снаряжении. Одноверстную карту Эльбруса достать нам не удалось. Пятиверстка, по своему масштабу, была непригодна.

Плохо обстояло дело и с альпийским снаряжением. Когда мы в одном магазине спросили, имеются ли ледорубы, нам предложили пожарные топоры или пионерские топорики. О таком снаряжении, как кошки и альпийский трос, в магазинах не имели понятия.

Последние дни в Ростове и выезд в Нальчик

Лето в Ростове невыносимо: солнце стоит высоко, обжигая своими горячими лучами. Каменные громады домов, раскаленные до последней степени, излучают подобно огромным печам целые снопы горячих волн... На размягченном асфальте видны отпечатки ног.

В такое время как-то неудобно бегать из магазина в магазин, разыскивая теплые вещи. Вваливаемся целой группой в спортивный магазин «Динамо».

– Дайте хороших фуфаяк, свитеров, шлемов, теплого белья, гетр, шерстяных носков и перчаток...

Приказчики с недоумением таращат глаза. Кто-то из публики пытается призвать нас к порядку:

– Стыдно понапрасну производить лишние разговоры. Июль месяц, а вы требуете подобные вещи. Сознательные люди, взрослые, к тому же и очередь, – свирепел гражданин, принимая наш визит, очевидно, за хулиганскую выходку.

Мы объяснили в чем дело.

Но вот сборы почти закончены. Продовольствие закуплено и затакнуто в непромокаемые клеенчатые мешки.

Наступило 13 июля – день нашего выезда. На нас надежды только что купленные удобные комсомольские костюмы с расстегнутыми воротниками, а с нами рюкзаки с теплой

одеждой. На ногах – немного тяжеловатые непромокаемые ботинки. Надеваем белые шляпы-осетинки и в полном снаряжениидвигаемся по главной ростовской магистрали – улица Энгельса – вокзал.

На вокзале мы – в центре внимания. Одинаковые и немного необычные костюмы бросаются всем в глаза. Много спрашивают, куда мы едем. Лаконически и немного с гордостью отвечаем:

– Экспедиция на Эльбрус.

Ровно в 7 часов вечера отходит поезд. Большая группа провожающих бросает последние напутствия.

Мы покидаем Ростов. Быстро промелькнул мост. За Батальском перед нами открылась безбрежная зеленая степь. Первые три-четыре часа путешествия по железной дороге всегда представляют какую-то новизну. Смотришь в окна. Перед тобой мелькают непривычные после долгой городской жизни виды деревень, поля, леса. В речушках барахтаются крестьянские ребятишки, которые нагишом выбегают к поезду и приветствуют его громкими криками. По дорогам необъятных донских полей изредка встречаются телеги, которые кажутся неподвижными из окон быстро несущегося поезда. Скоро все это приедается и надоедает. Из Ростова к подножию Эльбруса можно проехать двумя, так сказать, генеральными маршрутами. Мы едем в Нальчик, откуда будем пробираться к Эльбрусу по ущелью реки Баксан.

Но есть другой, не менее интересный путь, это – через

Кисловодск и дальше по берегу реки Малки на Гунделен. Проезжая по этому маршруту, можно познакомиться с группой курортов, расположенных в районе Минеральных Вод, ведущих свое начало еще со времен Петра I. До революции здесь отдыхала, кутила и проматывала огромные средства буржуазия. Сейчас Минеральные группы – это советская здравница. Из больших отелей созданы дома отдыха, в многочисленных лечебных заведениях восстанавливают свои силы трудящиеся, съезжающие со всего Советского Союза. Из Кисловодска к подножию Эльбруса имеется хорошая дорога, по которой открыто автомобильное движение.

Наш выбор первого маршрута, т. е. через Нальчик по Баксанскому ущелью, базировался главным образом на том, что в Нальчике имеется сильное отделение общества пролетарского туризма, которое обязалось обеспечить нас альпийским снаряжением, необходимым для подъема на Эльбрус.

К тому же за неделю до нашего выезда туда поехал Перебийнос, наш коллега по путешествию в Сванетию, обещавший подготовить для нас транспортные средства. Он телеграфно сообщил нам, что в Нальчике идут сильные дожди. Откладывать своего путешествия мы не могли, связанные определенными сроками отпусков. Плохая погода нас не страшила: мы неоднократно бывали на Кавказе и прекрасно знали климатические капризы высокогорных мест.

Утром 14 июля, подъезжая к станции Прохладная, мы увидели любопытную сценку: на перроне вокзала около

двух высоких иностранцев, бросающихся в глаза благодаря непривычным для нас альпийским костюмам, собралась глazeющая толпа. Рассматривают их с головы до ног. Громко выражают удивление по поводу тяжелых ботинок, подкованных большими гвоздями и пластинками, ощупывают странные для них теплые гетры, а также брюки, которые у иностранцев были выше колен. Осматриваемые улыбаются, пытаясь что-то говорить на ломаном русском языке. Но их никто не понимает.

Мы сразу узнаем: это – два альпиниста братья Рудольф и Эрих Брешары, немцы из Вены, которые просили присоединить их к нашей экспедиции на Эльбрус. Не достав билетов в Ростове на наш поезд, они обогнали нас скорым. Как только мы выходим из вагона – иностранцы радостно бросаются к нам с криком:

– Genossen (товарищи)!

Часть нашей группы, владеющая немецким языком, объясняет, что можно поместиться всем вместе в одном вагоне.

Около пяти часов вечера подъезжаем к Нальчику.

Два дня в Нальчике

Мы в Нальчике, в центре Кабардино-Балкарской автономной области.

Местное отделение Общества пролетарского туризма уже знает о нашем прибытии. На перроне нас встречает председатель общества тов. Артемьев, смуглое и загорелое лицо мы сразу узнаем.

– Можно ли завтра с утра двинуться по Баксану?

– Имеются ли места в автомобилях? – забрасываем вопросами.

Нальчик встречает нас неприветливо. Погода хмурится. Все время шли дожди, в горах выпал глубокий снег. По слухам, перевалы закрыты для туристов, дороги размыты, некоторые мосты сорваны бурными реками. Автомобильного движения нет. Перебийнос, телеграфировавший нам о дождях, просидел здесь целую неделю и, отчаявшись в перемене погоды к лучшему, уехал на подводе.

Нальчик – город будущего. В нашем туристском движении на Кавказе ему будет принадлежать одна из первых ролей. Он расположен в предгорной области наивысшей части Главного Кавказского хребта. От него, как по радиусам, разбегаются пути через высочайшие перевалы – в Карачай, Сванетию и Дигорию. Вечноснежные вершины, опоясывающие горизонт изломанной белоснежной линией, были скрыты от

нас низко спустившимися темными облаками, из которых изредка выглядывало солнце. При ясной погоде отсюда можно наблюдать группу гор великанов: Дых-тау, Коштан-тау, Гистолу, Джанга-тау и Шхару.

Мы остановились на небольшой базе общества пролетарского туризма, где нашли массу фотографий, подробные карты Кавказа, небольшую, но хорошо подобранную туристскую библиотечку с редкими экземплярами немецкой и английской литературы.

Весь вечер прошел в изучении деталей маршрута по имеющимся материалам. Вокруг небольшого столика с керосиновой лампой были разбросаны груды книг и карт. Шелестели листы, страницы. Работа часто прерывалась обсуждением вопросов, набивших оскомину еще в Ростове. Опять говорили о предварительной тренировке перед восхождением на Эльбрус, о более быстром темпе продвижения, так как дальше предстояла длинная дорога через Сванетию, через два больших перевала. Общее мнение было таково, что в Нальчике нельзя было задерживаться более двух дней. Если за это время автомобильное движение не восстановится, нужно избирать другой способ передвижения.

Вечером к нам поступили первые сведения об Эльбрусе. Он покрылся свежим, глубоким ковром снега. Оказывается, Перебийносу с большим трудом удалось дойти до «Кругозора», т. е. подняться на юго-восточный выступ Эльбруса, высота которого всего 3200 м. Попытка его подняться выше

кончилась неудачей.

Нам давали консультацию Артемьев и приехавший из Москвы член центрального правления Общества пролетарского туризма Раковский, поднявшийся на Эльбрус еще в до-революционное время. Раковский только что отправил разобранную будку, которую он, по поручению центрального правления общества, должен был устанавливать на склоне Эльбруса, на высоте 4100 м.

* * *

На другой день с самого утра мы пошли осматривать город и сделать необходимые закупки.

После шумного и делового Ростова каким тихим и спокойным показался Нальчик.

Кабардино-Балкарская автономная область разбивается на две части: Кабарду, на территории которой и расположен Нальчик, и Балкарию, аулы которой разбросались на склонах Главного Кавказского хребта и его отрогов.

Нальчикский базар – это типичный кавказский базар, где можно достать все, что угодно. С 4–5 часов утра начинается его жизнь: гонят скот на продажу, вереницей тянутся телеги, груженные фруктами, овощами, маслом, молоком. Здесь же развертывают свои лотки галантерейщики. Продают бурки, шляпы-осетинки, посуду, различную утварь и просто негодный и ненужный хлам.

Покупать бурки нужно умеючи. Бурка должна быть хорошо, плотно сваляна. Обходим многих продавцов – смотрим бурки «на свет»: нет ли дыр. Наконец, после долгих и обычных для этих базаров выборов, делаем покупку. Цена бурки здесь – 15–20 рублей. Это – для местных жителей, для приезжих цена поднимается до 30–40 рублей.

Нальчикское отделение Общества пролетарского туризма имеет своего сапожника, который является «специалистом» по переделке обычных ботинок в «альпийские». Попросту говоря, вшивается только глухой язычок, который предохраняет ботинок от воды; в подметки вбиваются особые гвозди с большими, заостренными шляпками – и ботинок готов. Эта операция занимает не больше получаса.

С непривычки нога скользит по камню, «подкованные» подошвы издают неприятный резкий стук. Зато сохраняются подметки и облегчается движение по фирну.

На базе покупаем альпенштоки, берем напрокат ледорубы и кошки. Ремней для кошек нет, приходится заменить их обыкновенными фитилями для керосиновых ламп.

Заходим в Автопромторг. Там полная неизвестность. От дорожного отдела сведений нет. По дороге были обвалы. Автомобильное движение восстановится не ранее как через неделю. Решаем ехать сегодня же на подводах.

Опять приходится идти на базар. Артемьев уверенно пробирается через вереницу подвод, – он знает, где искать лошадей, кто возьмется ехать в длинный путь по Баксану.

Сразу же договариваемся с двумя горскими евреями, имеющими большие и широкие телеги, наполненные душистым сеном.

Наш путь по Баксану

В этот же день к 4-м часам дня наши вещи погружены на подводы. Тепло прощаемся с гостеприимной базой.

– Желаем вам успеха!

– Если доберетесь, будете первыми в этом году на вершине Эльбруса!

– О результатах не забудьте сообщить на нашу базу.

Когда лошади тронулись, начали вспоминать, не забыли ли чего на базе. Как будто все на месте. Пересчитываем членов нашей группы.

– А где Братолюбов?

Вспоминаем, что он побежал на вокзал узнавать, не получена ли посылка из Ростова с адаптером, который он забыл в Ростове и телеграфно просил выслать в Нальчик. Приходится задерживаться, но не надолго: скоро появляется Братолюбов с улыбающимся лицом. Мы догадываемся, что все в порядке.

Быстро проносимся по опустевшему уже базару и выезжаем в широкую степь, на горизонте которой в синеватом тумане чернеют небольшие, едва заметные отроги Кавказского хребта.

Много веков назад земной шар, остывая, на поверхности своей коры образовал колоссальную складку. Поднявшись из глубины моря, эта складка в течение длительного геоло-

гического периода непрерывно изменялась под влиянием ветра, воды, колебаний температуры и приняла современный вид грандиозной цепи Кавказских гор. Больше чем на 1400 км протянулся с северо-запада на юго-восток Кавказский хребет, разделив Кавказ на европейскую и азиатскую части.

Мы продвигались в самый могущественный, в самый дикий и грандиозный район хребта, протянувшегося километров на 300 от Казбека до Эльбруса и носящего название Кавказских Альп. Льдами и вечными снегами окутан гребень Кавказских Альп. Девять вершин этого гребня превышают Монблан, самую высокую гору Альп. Многие вершины по высоте приближаются к нему.

Солнце стояло еще высоко, когда Нальчик скрылся. Довольно широкая, пыльная дорога проходит по сочным, зеленым лугам.

Проезжаем мимо небольших кабардинских селений с крошечными домиками, утопающими в садах. Кабардинцы приветливо встречают нас и провожают любопытными глазами. Иногда останавливаем лошадей, пробуем завязать разговор. Но нам это не удается – они почти не понимают русского языка.

Обитатели этих долин – кабардинцы, являющиеся группой, родственной племени адыге (приморские жители), – принадлежат к одному из звеньев кавказской семьи народов. Они когда-то жили по берегам Черного моря. Прошлого сво-

его они не знают. Их история разбросана по многочисленным археологическим памятникам, которых очень много в Кабарде. В курганах-могильниках найдены молотки, топоры, каменные ступы, служившие когда-то жерновами для перемалывания зерна, многочисленная домашняя утварь.;

Кабардинцы издревле занимались земледелием, скотоводством, охотой, были знакомы с различными ремеслами, на протяжении столетий мало изменилась их жизнь, Октябрьская революция впервые пробила глубокую брешь в патриархальном быте, освободив их от гнета церкви и феодала, пошатнув устои ограниченного и замкнутого, почти натурального хозяйства.

Однообразие маршрута приедается. От долгой езды на подводе затекают ноги. Чтобы избавиться от дремоты, охватывающей нас, соскакиваем с подводы. Идем по свежей, зеленой траве, счищая толстый слой жирной пыли, севшей на ботинках.

Свежеет, думаем, где остановиться на ночлег. Солнце, наподобие большого раскаленного шара, быстро спускается к горизонту, вырисовывая косыми лучами затейливые узоры на низко спустившихся облаках.

Открытое поле выбираем местом нашей остановки. Распрягаем лошадей, насыпаем им корму, разводим костер. Большую, на девять человек, палатку кладем в виде подстилки на свежую траву.

После ужина, усевшись тесным кругом около разгорев-

шегося костра, начинаем заниматься каждый своим делом. Один записывает в блокнот путевые впечатления, другой пришивает оборвавшуюся пуговицу. Кто-то побежал купаться в протекающую недалеко речку.

Ночь незаметно и быстро надвигается. Наступает темнота.

Расстилаем бурки для ночлега. Дежурный получает наган, свисток, часы. Он должен, как часовой, ходить вокруг нашей стоянки. Говорят, здесь не совсем спокойно: были случаи, когда туристов грабили.

Через полчаса наш лагерь мирно спал.

Погода портилась. Накрапывал мелкий дождик. Костер потух. Слышно было только, как фыркали лошади, медленно пожевывая траву...

* * *

Утро наступило неожиданно. Ярко вспыхнул горизонт, разбудив задремавшую природу. Было 5 часов утра.

Прозвучал резкий свисток, и наш обоз медленно тронулся в дальнейший путь.

Совершенно чистый и свежий воздух приятно ласкал лицо. С нетерпением всматриваемся вдаль – хочется скоро приблизиться, врезаться в темнеющие горы.

Скоро наша дорога пошла по берегу бурно несущегося Баксана. Голубовато-желтая мутная вода несла в своем стремительном течении множество обломков дерева, щепок и

камней.

Подъезжаем к легкому, «ажурному» мосту, перекинутому через Баксан. Мост подвешен к стальным канатам, переброшенным через реку. Канаты прикреплены к железным сваям на обоих берегах.

По мосту прогуливается Шендригайлов. Его фотографирует Братолюбов. Эта пара со своими фотоаппаратами всегда задерживает нашу группу. Все, что попадает по дороге, они считают нужным снимать. Особенно усердствует Шендригайлов: у него – недавно аппарат, и он практикуется. К сожалению, как мы узнали потом, все его старания были напрасны – не было ни одного удачного снимка – то недодержка, то передержка, то против солнца снято, то свет в кассеты попал.

Около 12 часов дня делаем остановку. Солнце жжет невероятно.

Покупаем небольшого барашка. Склярский, доктор нашей экспедиции, дает хирургические указания, как нужно резать его. На приготовление уходит масса времени. От долгого ожидания утихает и голод. Наконец, все готово.

В течение каких-нибудь десяти минут от барашка остаются только «рожки да ножки».

Дорога дальше становится интереснее. Мы въезжаем в довольно широкую долину, по краям которой поднимаются небольшие горы, покрытые травой. В этой части долина реки Баксан имеет скудную растительность. По ней можно ехать

целый день, не встретив по пути ни одного дерева.

Горы постепенно становятся все выше и выше. Ущелье суживается.

Кабардинские селения, расположенные на равнинной местности, сменяются балкарскими аулами, которые разбросались, как гнезда, на красивом диком фоне отрогов Кавказского хребта.

Балкарцев – значительно меньше, чем кабардинцев. Они составляют всего 16 % населения Кабардино-Балкарской области, тогда как кабардинцы – 60 %. Несколько столетий тому назад в поисках лучших условий существования балкарцы, являющиеся тюрками, вышли из Крыма и поселились на Кавказе в районе Эльбруса.

Продолжительные войны с соседними горскими племенами прошли красной нитью в истории этого народа. Национальная политика советской власти сделала свое дело: войны, национальная рознь уходят в область истории.

Основное занятие балкарцев – скотоводство. Земледелие у них не могло получить широкого развития из-за отсутствия удобных для обработки земель. Чтобы посеять, нужно каждый небольшой участок земли очищать от камней, орошать и удобрять: земельные участки расположены на неудобных для земледельческих работ склонах гор.

Вскоре мы въезжаем в грандиозный каменный коридор. Это – Шашпарское ущелье. Огромные скалы нависли над нами, глубоко внизу ревет Баксан.

Эта река имеет историю, в основном сходную с такими бурными и известными реками Кавказа, как Терек, Урван, Чегем, Урух, Ардон и Фиагдон. Они, как и Баксан, берут свое начало в снегах и льдах Главного водораздельного хребта. Они, как и Баксан, бешено проносят свои потоки по ущельям, которые прорезают Боковой и Скалистый хребты.

На 200 км по прямой линии с запада от Эльбруса и на юго-восток от Казбека, севернее Главного хребта, местами параллельно ему, местами под разными углами к нему, расположил свои массивы Боковой хребет. В отношении высот он с успехом может конкурировать с Главным. На его массивах подняли ввысь свои пики такие колоссы, как Эльбрус (5633 м, Дых-тау (5205 м), Коштан-тау (5151 м) и Казбек (5046 м).

Много веков назад картина была другая: Боковой хребет не был разрезан на отдельные массивы ущельями рек. В те времена между ним и Главным хребтом в котловинах от таяния снегов и дождей накапливалась вода.

Но время бежало. Вода, разрушая горные породы, пробила себе дороги (ущелья) через Боковой хребет и, бешено несясь по ним, прорезала и Скалистый хребет, расположенный на 10–30 км севернее Бокового. Гребень этого хребта очень скалист, вершины его принимают самые причудливые формы, но они гораздо ниже вершин Главного и Бокового. Самый высокий пик этого хребта – Кара-кач – имеет высоту всего 3892 м.

Но кроме этих рек по ущельям Скалистого хребта несутся потоки, которые образуются от таяния снегов и льдов не Главного хребта, а Бокового (Тызиль, Малка, Гизель-дон и другие реки).

– Ничего себе, большой «трудовой стаж» Баксана, – кто-то сказал.

Созерцая глубокое ложе этой реки, грандиозный и хмурый каменный коридор Шашпарского ущелья, против этой реплики никто не возражал.

Быстро наступили сумерки. Огромные обнаженные скалы нависли над дорогой, выющейся узенькой ленточкой.

Ущелье суживается все больше и больше, урывая последние остатки голубого неба. Становится сыро.

Наконец последний поворот – и мы проехали эту грандиозную щель, прорезывающую горные массивы.

Горцы рассказывают, что много лет тому назад была крепость. Громадная стена с наглухо закрывающимися от врагов воротами перегораживала узкий проход.

Мрачное ущелье сменяется котловиной, покрытой ярко-зеленым ковром.

Здесь мы делаем привал.

Возница за ужином у костра, указывая на громадный утес, висевший каменной глыбой над бурлящим Баксаном, рассказал нам легенду, распространенную среди кабардинцев. Когда-то, в давние годы, кабардинцы приговоренных к смертной казни преступников бросали с этой скалы в ре-

вущий Баксан. Жители этой местности называют эту скалу «Кызбурун». Много лет тому назад один горец, по имени Нарбузов, заподозрив свою жену в неверности, велел судить ее. На самой вершине утеса происходил этот суд. Несчастную женщину подняли на руки, раскачали и с размаху бросили в зияющую пропасть. Через несколько часов ее изуродованный труп был выброшен на берег.

Костер медленно затухал. Скала вырисовывалась темной, бесформенной громадой. Тысячи подобных трагедий горских женщин наблюдали молчаливые скалы. Ведь не так давно женщина гор была рабой, вещью, собственностью мужа. «Священная» книга мусульман – Коран – закрепила это рабство женщины.

Муллы (магометанские попы), следуя указаниям Корана, оказывают и в наше время отчаянное сопротивление социалистическому строительству, которое в своем стремительном движении захватило и женщину гор.

Ссылаясь на Коран, муллы науськивают темные массы верующих на тех женщин, которые осмелились переступить запреты религии. Но, несмотря на это, сотни и тысячи горянок участвуют в общественной жизни аулов, учатся в специальных школах, которые организуются не только в национальных центрах, но и в таких городах, как Ростов и Москва.

Вторая ночь в горах была беспокойна. Сильный дождь изрядно подмочил нас. Мы были рады, когда наши возницы, подняв нас в 3 часа ночи, при полной темноте начали запря-

гать лошадей.

Холодный сырой ветер дул из ущелья.

* * *

Неровная дорога дает постоянно о себе знать. Как только начинается хотя и небольшой подъем, лошади останавливаются. Приходится соскакивать с телеги. Медленно идем рядом, останавливаемся, любуемся красивой картиной окружающих больших, массивных, с ровным рельефом, совершенно голых, безлесых гор.

Стоит только немного зазеваться, вовремя не заметить, что дорога начинает идти под гору, как от наших «экипажей» остается только облако пыли.

Верхний Баксан, бывшее Урусбиево

К 4 часам подъезжаем к селению Верхний Баксан, расположенному в горной котловине, прорезанной ущельями рек Баксана и Адыр-су, текущих с Главного Кавказского хребта, и Сюльтрана и Картыка, несущих свои воды из ледников Эльбруса.

«Странный, необычайный для Балкарии вид: вместо каменных, глинистых землянок – деревянный рубленый городок, точь-в-точь, как бревенчатая островерхая «старая Москва» на картинах Сурикова или же такие рубленые городки где-нибудь в лесистых верховьях Волги» – так удачно описал внешний вид Верхнего Баксана П. Максимов в своей статье «Последний Урусбиев».

Верхний принадлежал этому княжескому дому, но даже великан Эльбрус считался его собственностью. Здесь еще помнят эти времена.

Революция смела остатки феодализма. Как след бывшего крепостничества, сохранилось специальное «положение» об обязанностях каракишей (крестьян) перед таубиями (князьями), где нашло себе место и «право первой ночи».

Революция застала двоюродных братьев Ибрагима и Науруза Урусбиевых, «последних могиканов» этой фамилии. Лишившись своей собственности и других привилегий, братья не смирились и начали заниматься контр-революцией.

Ибрагим был расстрелян. Наурус же застрелился сам, очевидно, учитывая свое безвыходное положение.

Направляемся в исполком. Навстречу к нам вышел молодой балкарец, который объяснил, что «исполкома нет дома». Но он в данном случае вполне заменил отсутствующее «начальство», указав нам, где можно остановиться.

В местном кооперативе идет бойкая торговля. Когда мы предъявили туристские заборные книжки, попросив отпустить нам сахар, продавцы внимательно со всех сторон осмотрели их, переглянулись и спросили:

– Сколько надо фунт?

– Отвесьте столько, сколько полагается.

Опять на лицах недоумение. Мы догадываемся, что здесь еще ничего неизвестно о карточках на дефицитные товары.

Заходим в большой просторный дом, принадлежавший раньше Урусбиевым. Здесь делали остановки в былые времена альпинисты перед подъемом на Эльбрус. Князь Урусбиев завел специальную книгу, где путешественники делали свои заметки. В этой книге можно найти автографы Фрешфильда и его проводников Тукера и Мурра, записи Пастухова и многочисленных туристов, удачно и неудачно пытавшихся подняться на Эльбрус. Сейчас эта книга хранится в Пятигорском музее.

Пожалуй, в этой главе нельзя не сделать нескольких примечаний о первовосходителе на Эльбрус.

В международной альпинистской литературе принято

считать, что впервые достиг вершины Эльбруса англичанин Дуглас Фрешфильд, член Альпийского клуба, основанного в 1857 году в Лондоне. Приехав на Кавказ в 1868 году, Фрешфильд первым вошел в сопровождении опытных проводников Тукера и Мурра на Казбек. Затем по ущелью Баксана они добрались до Урусбиева, взяли с собой горского проводника Ахия и вчетвером взошли 19 июля на Восточную вершину Эльбруса.

Но есть основание полагать, что впервые взошел не Фрешфильд, а черкес Киллар еще в 1829 году. В этом году на Эльбрус была организована весьма своеобразная экспедиция. Начальник Кавказской линии генерал Эмануель, выполняя империалистические задания царского правительства, покорил карачаевцев. Чтобы окончательно усмирить непокорных горцев, Эмануель решил показать им, что для русской царской армии снега высочайших гор, теснины, ущелья не являются препятствием. Для этой цели он организовал экспедицию на Эльбрус, вершины которого горцы считали священными и недоступными.

Положив в основу этой экспедиции военно-политические цели, он решил придать ей некоторый научный характер. Через Петербургскую академию наук были приглашены к участию в ней физик Ленц, ботаник Мейер, зоолог Менетрие и архитектор Бернардацци. Во главе же ученой части экспедиции встал академик Купфер.

Экспедиция начала восхождение не с юго-восточной сто-

роны, как это обычно делается, а с севера, расположив лагерь немного к востоку от перевала Эпчик, около небольшого притока реки Малки.

Купфер, Мейер, Менетрие и Бернардацци прекратили восхождение, найдя себе приют среди скал приблизительно на высоте 4800 м. Академик же Ленц, опередив товарищей, добрался в сопровождении двоих кабардинцев и казака Лысенкова до седловины (5321 м). При этом, по свидетельству Купфера, одному из кабардинцев – Киллару – удалось взобраться на Восточную вершину, с которой он начал спускаться тогда, когда Ленц достиг своей последней остановки, т. е. седловины. Киллар получил за это денежную награду от генерала Эмануеля.

Мерцбахер и Деши в своих книгах о Центральном Кавказе, не переведенных на русский язык, безосновательно утверждают, что Киллар не достиг вершины. Авторитет этих исследователей был достаточен для того, чтобы последующие писатели забыли о Килларе.

Вскоре нам был приготовлен, за невысокую плату, хороший и сытный обед. Закусив, отправляемся в селение. Подходим к мечети, которая находится в центре. На ступеньках сидит группа стариков. Нам позволяют осмотреть мечеть. В сопровождении муллы входим в полутемное деревянное помещение. На разостланном ковре молятся старшие. Внутри – пустота, ничего интересного нет. Выходим из мечети и направляемся к группе молодых балкарцев.

Еланчик среди молодежи пытается зондировать почву как дела у них насчет Аллаха и Магомета. Они в ответ улыбаются. Среди них есть комсомольцы. В мечеть ходят старики, молодежь безразлично относится к вере своих отцов и дедов. Расспрашивают о жизни города, в особенности Москвы. Частенько здесь крутят кино. Об этом говорят красочные плакаты, расклеенные на заборах селения.

Останавливаемся недалеко от мечети в одном из просторных домов. Рассказывают, что раньше здесь было нечто вроде гостиницы.

Свободно разговариваем с балкарскими женщинами. Лица своего они не закрывают.

Размещаемся в большой комнате, по стенам которой расставлены кровати. В одном углу – большой очаг с широкой, сквозной прямо через крышу, трубой. Здесь балкарцы готовят себе обед, кладя пищу в чугунный котел, подвешенный на массивной цепи. Перед сном Склярский делает «врачебный» осмотр помещения. По его мнению, угрожающее количество клопов не позволит спокойно провести свой трудовой досуг, поэтому он решил ночевать на опушке около Баксана. К нему присоединяются Самарин и Шендригайлов. За свою «клопиную боязнь» они были наказаны. Около 3 часов ночи пошел сильный дождь, и наши герои, основательно промокнув, должны были возвратиться обратно.

Селение Тегенекли

Восемнадцатого июля выступаем дальше. Дорога все время тянется берегом. По холодной воде мы чувствуем, что не так далеко находятся ледники, питающие голубовато-белый Баксан.

Впереди ясно вырисовывается снеговая линия Донгузорунских высот. Ущелье то расширяется, то суживается, волнообразные горы заканчиваются грандиозными скалистыми вершинами, со множеством острых и причудливых пиков.

Скоро мы входим в душистый сосновый лес. Недалеко от слияния Баксана и Адыл-су строится санаторий. Эта местность, по признанию целого ряда специалистов, является прекрасной горно-климатической лечебной станцией.

Заходим в небольшой недавно выстроенный домик. Нас встречает человек в технической фуражке. Это – техник по землеустройству. До 1926 года балкарцы не знали, что такое землеустроительные работы. Здесь не было даже простого межевания. Каждая балкарская семья обрабатывала тот участок, где тауби посадил своих холопов. Большие земельные участки захватывались на основании «грамот», выданных русскими царями. Нажива на земле процветала вовсю. За усадебные участки владельцы брали с крестьян до 50 рублей. После изгнания князей началась беспорядочная дележ-

ка земли. Чересполосица и дальнoземелье – характерные явления в землепользовании балкарцев. Некоторые селения имели наделы дальше, чем 100 км от места своего расположения. И сейчас здесь проходит большая землеустроительная работа.

Около двух часов дня мы вступаем в селение Тегенекли.

Останавливаемся на базе «Советского туриста», которая представляет собой два больших деревянных корпуса. Здесь можно остановиться на полном пансионе и получить трудно доставаемый в этом районе хлеб. В столовой развешены карты, на которых проведены наиболее интересные местные маршруты, также имеется библиотека с популярной туристской литературой и полный комплект «Записок Кавказского Горного общества».

Еще в Ростове мы решили подниматься на Эльбрус с проводником. Конечно, было бы гораздо интереснее идти самостоятельно. Но нам нужно было во что бы то ни стало дойти до вершины Эльбруса, а наличие опытного проводника увеличивало шансы на успех. У нас было намерение взять проводником Сеида Хаджиева, известного в широких туристских кругах, несколько раз поднимавшегося на вершину Эльбруса. Но Сеида Хаджиева не было: он повел экскурсию в Сванетию через Донгузорунский перевал. По рекомендации Нальчикского отделения Общества пролетарского туризма договариваемся с его учеником, Омаром Быкаевым, который, как и Сеид Хаджиев, является прекрасным охот-

ником. Преследуя туров по высоким скалам, Омар научился ориентироваться в горах, как дома.

Омар по-русски не говорит. Он знает только одно слово – «не знаю». Переговоры ведем через переводчика и только по движению головы и выражению глаз узнаем, с чем соглашается и с чем не соглашается молодой Омар.

Расположившись в отведенных для нас двух комнатах, выходим на улицу поболтать с горцами.

Несколько молодых балкарцев стоят у оседланной лошади, которую под уздцы держит Омар.

– Садысь, – обращается к нам один балкарец, указывая на лошадь.

Еланчик принимает приглашение горца, берет ее под уздцы. Горец, мотая головой, объясняет, что лошадь – горячая и мало объезженная. Но он уже сидит верхом на ней. Лошадь, немного поплясав на месте, карьером помчалась вниз по дороге, пролетела через мост, скрылась за соснами.

Через полчаса, к удивлению горцев, Еланчик на взмыленной лошади возвращался обратно. Лошадь шла спорно.

– Хорош, хорош, – слышались реплики из группы горцев.

Зовут ужинать. Нам кажется комфортом сидеть за столом, есть из отдельных тарелок и пользоваться всеми удобствами городской жизни.

Завтра решено совершить тренировочное восхождение на расположенный в Баксанском районе, недалеко от Теге-

некли, хребет Юсеньги, высота которого около 3600 м, где прежде, чем начать восхождение на высочайшую вершину Европы, необходимо потренироваться, необходимо попробовать свои силы.

Тренировочное восхождение на хребет Юсеньги

Девятнадцатого июля в 9 часов утра вся наша группа выступает в путь. Идем налегке, захватив с собой альпенштоки¹ и некоего продовольствия.

Пройдя минут 15 по уже знакомой нам дороге, сворачиваем в ущелье реки Адыл-су, которое ведет к подножию хребта Юсеньги. Дальше дороги нет. Идем по тропе, которая, поднимаясь все выше и выше, часто теряется среди камней и зарослей.

Все очарованы красотой этого ущелья. Действительно, на зеленом фоне леса, купаясь в солнечных лучах, четко вырисовываются вечноснежные вершины Уллу-каратау и Джантугана, а где-то внизу, глубоко на дне ущелья, глухо шумит бурная Адыл-су.

Встречающиеся небольшие полянки сплошь усеяны земляникой. Пройдя около часу, мы почти незаметно входим в долину реки Шхельды. Начали попадаться березки, напоминающие спокойные пейзажи русских равнин.

Горная панорама также изменилась: Уллу-каратау и Джантуган скрылись, на смену им неожиданно вынырнули острые вершины Бжедуха и причудливый ледник Шхельды.

¹ Палка из бамбука с острым металлическим наконечником.

Деревья начинают редеть, и мы выходим на альпийский луг. Минут десять крутого подъема – и мы у коша².

Вспотевшие от жары, жадно пьем айран, которым нас угощает пастух – молодой балкарец с орлиным носом.

Отсюда начинается подъем на хребет.

Через полчаса, оставив заболевшего Шендригайлова, начинаем восхождение.

На склонах Юсеньги спокойно пасутся стада. Зная неуклюжую корову наших равнин, удивляемся, как здесь это животное спокойно бежит по крутым склонам гор, не ломая себе ног.

Мы недооценили трудности подъема на хребет. Нам казалось, что вершины достигнем быстро и легко, но оказалось не так. Быстро карабкаясь и почти не отдыхая, мы нарушили чрезвычайно важное правило восхождения на горы, правило, которое вообще можно сформулировать так: подниматься на гору необходимо медленно, равномерно, делая непродолжительные, но частые остановки для отдыха.

За нарушение этого правила скоро наступила расплата – часть нашей группы, переутомив сердце быстрым подъемом, выбилась из сил и вынуждена была прекратить подъем высоте около 3000 м, в том районе, где травянистая почва переходит в осыпи.

– Тизенгаузену кто-то насыпал на хвост соли, – в полухватливой форме, немного со злобой, говорили отстающие,

² Стоянка горских пастухов.

смотря на поднимающегося почти без отдыха Тизенгаузена.

Уже с этой высоты разворачивается довольно-таки красивая и грозная панорама.

Правда, видна только южная сторона, но перед глазами маячит не только Бжедех, не только Шхельдинский ледник, но и дикая красавица Ужба (Ушба), пользующаяся славой одной из малодоступных гор мира. Два пика (северный – 4725 м и южный – 4704 м) этой горы так отвесны, так скалисты, что ледяной покров не может удержаться на них и залегает ниже, оставляя их оголенными. Недаром сванское название этой горы «Ужба» в переводе на русский язык означает «чудовище».

Было время, когда считали, что вершины Ужбы недоступны для человека. Но в сентябре месяце 1888 года английский альпинист Коккин взобрался на северный пик этой вершины. Затем последовали новые атаки, но они были безрезультатны до 1903 года. Этот год был счастливым годом для немецких альпинистов: группа во главе с Пфанном достигла северного пика вершины, а через две недели тоже немцы, Дистель и Лейхс, побили мировой рекорд, взойдя на обе вершины. Затем наступил продолжительный перерыв. 1907 год отмечен в истории восхождения на Ужбу трагическим случаем: одиннадцать англичан, пытавшиеся взойти на эту дикую гору, погибли все до одного. Английский клуб альпинистов несколько раз снаряжал экспедиции для розыска своих погибших коллег, но поиски были тщетны.

Любуясь этой горой, мы не могли знать, что через несколько недель на ее южный пик взойдет председатель горно-альпийской секции центрального совета Общества пролетарского туризма Семеновский, и тем самым будет одержана блестящая победа советского альпинизма.

Оставив товарищей, мы начали карабкаться по осыпям и скалам. Здесь нужно было быть осторожным, так как, во-первых, подъем стал уже очень крут, и, во-вторых, небольшие камни, которые нам служили точками опоры, были весьма неустойчивыми. Прежде чем ухватиться за камень, опереться на него, необходимо было испробовать, крепко ли он сидит, выдержит ли он тебя; ведь, сорвавшись, он может вызвать лавину, грандиозный обвал и похоронить под собой или сбить в пропасть сзади идущих товарищей.

Вскоре начали попадаться небольшие снеговые поля, которые облегчали нам подъем: последний к тому же стал менее крутым.

Уж видны очертания вершины хребта. Еще минут пятнадцать-двадцать напряженного движения – и мы на вершине. Возгласы восторга и изумления вырываются у нас. Неожиданно перед нашими глазами открывается вся панорама на север, восток и запад, а в центре этой панорамы во весь свой рост стоял великан Эльбрус. Его белоснежные конусы возвышались над всей группой гор, окружавших его. Впервые мы видели его и своими глазами убеждались в его грандиозности, в его превосходстве над всеми горами Кавказа. Рас-

положив свои массивы не в самой цепи Главного Кавказского хребта, а в верстах 20 на отшибе от него, в своем гордом одиночестве он еще больше усиливал впечатление своего величия, своего превосходства!

Но недолго пришлось любоваться Эльбрусом. Вскоре облака закрыли его вершины.

На юго-западе, как на ладони, виден Бечойский перевал – ледяная дорога через дикий Кавказский хребет в Сванетию, в страну, закованную в кольцо снеговых гор.

Около 2000 лет населяют эту котловину сваны – народность, относящаяся к картвельской группе народов Кавказа. Сванетия, вследствие своей изолированности, одна из интереснейших горных стран мира.

Отрезанная цепью снеговых гор, Вольная, или Верхняя, Сванетия имеет ярко выраженные следы родового быта, т. е. стадии, которую народы земного шара давно прошли в своем развитии. При этих условиях дорожный вопрос является национальной проблемой этого народа. И эту проблему, в настоящее время, разрешает советская власть, прокладывая удобную колесную дорогу через всю Сванетию на Зугдиди. Эта дорога, соединив сванов с внешним миром, явится мощным фактором экономического и культурного развития этого народа.

Кроме Бечо, имеется еще целый ряд перевалов через Кавказский хребет в Сванетию. Самый трудный, красивый и интересный перевал – это Цаннер. Грандиозные ледопады об-

рываются с его отвесных стен. Приходится проходить по самому большому леднику Европы, в 18 км длиною, носящему название Безингийского.

Еще в Ростове мы решили пробраться в эту страну через Донгузорунский перевал, который нам по пути.

Отдохнув после стремительного подъема, все почувствовали зверский аппетит.

– Ich vill essen (я хочу есть), – по-немецки простонал Рудольф Брешар.

Садимся на площадку хребта и начинаем уплетать колбасу и сыр.

Но уже поздно. Солнце, заходя за горы, бросает на хребет последние лучи. У нас возникает мысль: нельзя ли спуститься с хребта с северной стороны в долину Юсеньги и тем самым сократить путь до Тегенекли. Немного посоветовавшись, решаем возвращаться по старому пути: уж очень крут северный склон, а у нас нет с собой специального снаряжения. Кроме того, такое неожиданное изменение маршрута вызвало бы напрасное беспокойство у ожидавших нас внизу товарищей.

Начинаем спуск. Встречающиеся снеговые поля используем для «санного продвижения» – садимся на снег, быстро катимся вниз, затормаживаясь альпенштоком перед самым концом снегового поля, чтобы не разбиться о камни.

Снеговые поля помогают быстрому спуску. Через 25–30 минут, осторожно спустившись по осыпям, встречаем наших

товарищей, уютно расположившихся в густой траве.

– А где же Братолюбов? – бросают нам первый вопрос.

Мы отвечаем:

– Как где? Он же остался с вами внизу?

Нам объясняют, что он не остался, а также пошел на вершину хребта.

Между тем вершина закрылась густым туманом, который, сползая все ниже и ниже, заволакивал склоны хребта.

Начали беспокоиться за Братолюбова:

– Безобразие!! Нужно было подыматься всем вместе, а не устраивать гонки. Если с Братолюбовым случится несчастье, вы будете за это отвечать, – напал на нас, поднявшихся на хребет, рассвирепевший Самарин.

Но вскоре все успокоились, увидев спускающуюся фигуру. Оказывается, поднимаясь сзади, медленнее, чем мы, Братолюбов отклонился вправо от пути нашего следования и вследствие этого разминулся с нами. Немного подосадовали, узнав, что ему не удалось заснять Эльбрус, так как вершины его были закрыты облаками, когда он взошел на хребет.

На коше Шендригайлова не застали: не дождавшись нас, он один ушел в Тегенекли. Опять пьем айран и, растянувшись в цепь, продолжаем наше возвращение.

Надвигаются сумерки. Лес потерял свои краски. Быстро спускается горная ночь. На базе нас ждет ужин. Проглотив свои порции, за чаем рассказываем окружившим нас экскурсантам о Юсеньги. Но долго разглагольствовать нельзя –

нужно спать. Решено завтра рано утром выступить к подножию Эльбруса на поляну Азау и оттуда начинать восхождение.

От Тегенекли к подножию Эльбруса

Двадцатого июля проснулись рано.

Безоблачное небо холодного горного утра обещало хорошую погоду.

Наше вчерашнее решение выступать спозаранку осталось только решением. Целый ряд приготовлений задержал выход до 11 часов дня. Ушло много времени на выделение продовольствия и его упаковку. Оставшуюся часть, предназначенную для Сванетии, сдали заведующему хозяйством базы. Долго спорили – что брать с собой, что оставлять в Тегенекли.

Ожидавшие во дворе два осла своими пронзительными криками напоминали, что уже пора выючить продовольствие и снаряжение. Эта процедура не так проста, как кажется, и отнимает много времени.

Долго упрашивали заведующую базой дать нам на время восхождения примус и керосин, играющие весьма важную роль в мертвой области льдов и снегов. Нужно было позаботиться об этом в Ростове, но мы проявили беспечность, полагая, что можно достать подобные вещи в этих местах. Уговоры наши не увенчались успехом. Заведующая категорически отказалась дать нам примус, который был единственным на базе.

Наконец, все готово. Братолюбов снимает всю нашу груп-

пу, и мы двигаемся в путь.

Перебравшись по мосту на другую сторону Баксана, идем по удобной дороге, которую проложили только прошлым летом. Раньше здесь, изгибаясь между скал и деревьев, шла тропа.

Местами открываются снега Донгузоруна, местами вырываются Юсеньги и другие вершины.

Через час проходим поселок Койсурульген и вскоре достигаем Терескола, последнего небольшого селения. Пьем айран и, отдохнув минут десять, продолжаем наш путь к Эльбрусу.

Здесь образуется река Баксан от слияния ледяного потока Донгузоруна с речонкой Терескол, берущего свое начало в Терескольском леднике Эльбруса.

Немного выше в Терескол впадает горная речка Азау. Начинается сосновый лес. Тропа часто теряется в зарослях леса. Наконец, выходим на поляну Азау, прямо к палаткам базы «Советского туриста». Немного дальше виден ветеринарный пост – небольшой деревянный домик. Налево виден подъем, по которому мы начнем наше восхождение, – это огромный лавовый выступ Эльбруса, края которого опоясываются ледниками Малого и Большого Азау.

Геологами точно установлено, что Эльбрус – это колоссальный вулкан. Основание Эльбруса, на котором высятся конусы, сложено из тех же пород, из которых состоит и Главный Кавказский хребет. Главную роль среди них играют гра-

ниты, но также много гнейсов и разнообразных сланцев. Все пласты этих пород залегают в основании Эльбруса в вертикальном положении: когда-то подземные вулканические силы выдавили их, земная кора треснула и через эту трещину вышла раскаленная лава (магма), растекаясь по склону. Остыв и подвергнувшись действию выветривания и другим силам, изменяющим поверхность земного шара, магма образовала два конуса – две вершины Эльбруса. На основании изучения состава лавы и по ее расположению установлено, что вулкан Эльбрус пережил три периода или три фазы своей деятельности, временами затихая и покрываясь ледяным покровом и затем опять просыпаясь в виде колоссальных извержений.

Когда же образовались вулканические конусы Эльбруса? На это различные ученые отвечают по-разному.

Известный исследователь Абих считает, что Эльбрус извергался во время ледникового периода. Фавр считает вероятным возникновение Эльбруса в начале четвертичной эпохи, оно отчасти предшествовало ледниковому периоду и отчасти сопровождало его. Фурнье относит время деятельности Эльбруса к концу третичного периода и началу четвертичного.

Но твердо установлено, что Эльбрус гораздо моложе Главного Кавказского хребта: его конические вершины, с ровными и плавными очертаниями склонов, не имеют глубоких следов продолжительных эрозий (размываний) и выветрива-

ний. Нет тут острых пиков и зубчатых гребней, которыми так богаты горы Кавказского хребта.

Наука говорит, что возраст Эльбруса измеряется миллионами лет. Здесь «маленькое» противоречие с христианским учением, которое определяет возраст земли от так называемого «сотворения мира» до наших дней около 6000 лет. Правда, 1200 лет тому назад между западной и восточной церковью шел отчаянный спор: западная церковь полагала, что возраст земли около 4000 лет, а восточная насчитывала возраст значительно больше, в общем же попы в этом споре разошлись между собою немного – на 1525 лет.

* * *

По плану мы должны сегодня начать подъем на Эльбрус и заночевать на площадке, на высоте 3200 м, того лавового выступа, который мы видим отсюда. Эта площадка получила название «Кругозор», так как оттуда открывается сравнительно большая панорама на окружающие горы. Нужно было подняться около 1000 м, считая по вертикальной линии. Но мы опоздали – наступил уже вечер и, как ни печально, нам приходится на ночевку располагаться в раскинутых здесь палатках.

С точки зрения методики восхождения ночевку нужно совершать на «Кругозоре», чтобы сохранить больше сил для нелегкого перехода по ледникам и фирновым полям к ска-

лам «Приюта одиннадцати», в течение следующего дня. Эти скалы – единственное место, которое до некоторой степени может защитить вас, заброшенных во льдах, от снежных бурь на высоте 4100 м. Но ничего не поделаешь – сами виноваты за проволочку в Тегенекли.

Развьючиваем ослов, откладываем некоторые вещи и часть продовольствия. Делим пополам сало, колбасу, а крупы целиком оставляем: они там не нужны – на вечных льдах костра не разведешь.

Самарин, мобилизовав Омара, начинает готовить ужин. Он, начиная от Тегенекли, неожиданно проявил хозяйственную жилку, незаметно как-то став руководителем во время завтраков, обедов и ужинов.

Жаркий день сменился очень холодным вечером. Чувствовалась сравнительная высота этой долины. Склоны гор закутываются туманом. Полу-прозрачными клочьями он спускается все ниже и ниже, заволакивая всю долину и закрывая Донгузорун и Юсеньги.

Кутаясь в бурках, все собираются у костра. После ужина располагаемся спать в палатках. Завтра у нас боевая задача – подняться на скалы «Приюта одиннадцати».

От Азау до Кругозора

Двадцато первого июля в 4 ¹/₂ часа утра пронзительный свисток дежурного будит всех. Из палаток высовываются сонные физиономии. Быстро приводим себя в боевой вид. На этот раз все приготовлено накануне.

Дальше выюка уже не будет. Нужно все тащить на своих плечах. Набитые до отказа рюкзаки плюс пристегнутые к ним бурки дают себя чувствовать.

Братолюбов по обыкновению долго возится со своими фотопринадлежностями, вызывая злобные реплики по своему адресу. Подъем начинаем ровно в 5 часов, как было назначено накануне. Настроение немного торжественное – ведь наконец мы лезем на Эльбрус.

Пройдя минут 15 по сравнительно ровному лугу, начинаем небольшой подъем. Шендригайлов, ускоряя шаг, опережает всех и скрывается за выступами, хотя накануне была строгая директива – идти всем вместе.

Подъем делается круче. Но мы, ободренные свежестью горного утра, лезем довольно быстро. Черные, порою с красным оттенком, обломки лавы затрудняют движение. Часть группы идет по тропе, изгибающейся большими зигзагами. Часть, сокращая себе путь, лавирует между камнями и идет почти напрямик.

Перед нами – могучий язык ледника Большой Азау. Лед-

ник испещрен трещинами.

Ледники – это, пожалуй, самое интересное явление в высокогорных областях. На Кавказе в горах выпадающие снега на высоте 3200 м, в силу низкой температуры, не стаивают, а, слеживаясь, принимают форму шариков, горошин и образуют большие залежи – так называемые фирновые поля. Испытывая давление верхних слоев, нижние пласты фирна образуют прозрачный лед, который, будучи твердым, обладает в то же время свойством пластичности полужидкого тела. Мертвым, оцепеневшим в своей неподвижности, вырисовывался перед нами ледяной гигант. Но это только так кажется глазам. В действительности он находится в непрерывном движении – он живет.

Ледники, как это ни странно на первый взгляд, двигаются или, вернее, текут по всем законам жидкого тела, заполняя все углубления и все неровности своего ложа. 5–10 сантиметров в течение суток – скорость сползания льда. Но движение не во всякое время и не во всякой части ледника бывает одинаковым. В верхней части, в силу большей крутизны, ледник течет быстрее, чем в нижних. Края ледника, вследствие трения о скалы, продвигаются медленнее, чем в середине. В теплые времена года размягченный лед течет быстрее, чем в холодные.

Высота 3200 м на Кавказе – это предел сползания ледников, т. к. на этой границе скорость движения конца его равняется скорости таяния. Но, в зависимости от изменения

климатических условий, ледники то увеличиваются, продвигаясь вниз, то сокращаются, отступая вверх. Безинги – самый грандиозный ледник Кавказа, в прошлом столетии в течение 20 лет отступил на 2000 м.

Известный исследователь Эльбруса геолог Дубянский (дважды побывавший на вершине Эльбруса) на основании изучения морен (каменных валов), образующихся от движения льда, приходит к выводу, что в 90-х годах прошлого столетия маячивший перед нами глетчер Большой Азау спустился гораздо ниже.

Не отдыхая, взбираемся выше и выше. Поляна Азау, лес опустились глубоко вниз. Хребет постепенно расширяется. Поднимающееся солнце окрашивало белый гребень в бордовые тона.

Пока Эльбрус встречает нас приветливо. На небе ни одного облачка. Горы, лес, долины замерли в какой-то торжественной тишине.

В 7¹/₂ часа мы на Кругозоре. Неожиданно открываются во весь рост белоснежные конусы Эльбруса, опирающиеся на огромные фирновые поля, занимающие всю северо-западную часть горизонта.

Темными пятнами выделяются, очевидно довольно значительные, лавовые обнажения на восточном конусе и более редкие – на западном. Кое-где и фирновые поля теряют свою ослепительную белизну.

Но какими близкими, доступными кажутся эти вершины.

У некоторых вырываются возгласы:

– Ерунда!

– Пустяки!

– Шапками закидаем!

И только те, кто уже не раз бывал в горах, знали оптические шутки горных высот. Благодаря чистоте и разреженности воздуха, удаленные предметы кажутся здесь совсем близкими.

На юго-востоке до Коштан-тау развернулась перед нами сплошной белой цепью панорама Главного Кавказского хребта. Белоснежные причудливые вершины покоились на голубовато-белых и серых ледниках, которые в свою очередь сползали по изогнутым складкам гор в глубокие и темные долины.

Эта панорама, прославленная многими альпинистами, нас не поражала. Всего несколько дней тому назад мы созерцали более дикий, суровый Кавказ со скалистого гребня Юсеньги.

На некоторых камнях было написано красками «К.Г.О.» – Кавказское горное общество. Мы, по поручению Северо-Кавказского краевого отделения Общества пролетарского туризма, также вырисовываем три буквы – «О.П.Т.». Разные буквы этих двух эмблем отражают две эпохи в русском туризме.

Кавказское горное общество объединяло русскую буржуазию и интеллигенцию. Членами почетными и непочетными числилось много лиц, стоявших на высших ступеньках

иерархической лестницы дореволюционной России. В списках его нередко попадались великие князья, графы и различные фоны.

У этого общества была своя идеология, которая соответствовала идеологии тех классов, которые она обслуживала. Это – индивидуализм. Д-р М. Зайднер в своей статье «Альпинизм как культурный фактор и спорт», помещенной в «Ежегоднике» этого общества, писал: «Все без исключения согласятся с тем моим положением, что альпинизм есть деятельность главным образом индивидуалистическая». Простое развлечение, попытка уйти от нудной тогдашней жизни – вот основной смысл буржуазного туризма. В той же статье мы читаем: «На вершине горы мы стоим над миром с его суетой сует, с мелкими радостями и мелким горем; оторванные от условий обычной жизни, мы как бы возвысились над ней и с высоты птичьего полета озираем все наше существование...».

Для рабочего туризм, в особенности альпинизм, не был доступен. Октябрь вызвал невиданную в истории культурную революцию. Рабочий класс, в особенности молодежь, все больше и больше захватывается туристским потоком, превратив его из индивидуалистического в мощное общественное движение. Туризм превратился из пустой забавы в средство культурного развития трудящихся.

На Кругозоре в 1910 году, по поручению Кавказского горного общества, терским казаком Лысенковым был построен

каменный приют для туристов – хижина им. Лейцингера. За время империалистической, а затем и гражданской войн за этим приютом не наблюдали, и сейчас от него остались только развалины.

Поверхность Кругозора усеяна множеством разноцветных лавовых обломков.

Делаем небольшой, получасовой отдых.

Закусываем консервами, так как из продовольствия, взятого на вершину, – это наиболее тяжелый груз, и от него хочется скорее избавиться.

– Но где Шендригайлов?

Мы думали, что, идя впереди нас, он будет дожидаться на Кругозоре. На наши призывные свистки следовало молчание.

– Неужели он, не дождавшись нас, один решил продолжать путь через ледяные трещины Эльбруса?!

В 8 часов поднимаемся, наполнив предварительно из текущего под камнем ручья фляги ледяной водой.

Справа видна будка для метеорологических наблюдений, установленная в 1925 году Фроловым по поручению Кавказского горного общества.

Через ледниковые трещины, по фирновым полям – к скалам Приюта одиннадцати

Пройдя минут 15–20 по гребню, мы подошли к началу ледяных полей Эльбруса. Отсюда хорошо виден красивый, грандиозный ледопад Большого Азау.

Когда солнце начинает пригревать, ледяные скалы, срываясь, падают вниз, нарушая тишину гор раскатистым гулом.

Все ледники подразделяются на два вида. Те ледники, которые плавно спускаются со склонов вечноснежных высот в долины и концы которых тают, образуя начала ручьев и рек, называются ледниками первого порядка, или долинными (альпийскими). А ледники, которые сползают с гор, имеющих крутые уступы или обрывы, не могут изогнуться настолько, чтобы плавно спуститься вниз; они дают трещины и большими глыбами обваливаются. Это – так называемые ледники второго порядка, или пиренейские. (Такого рода ледники особенно характерны для Пиренейских гор.)

Альпийские ледники имеют толщину от 200–400 м. Пиренейские, или, как их еще называют, висячие – значительно тоньше; на Кавказе их толщина не превышает 30–50 м.

Ледники также подразделяются на простые, характеризующиеся тем, что не имеют боковых притоков, и на слож-

ные, или полисинтетические, образующиеся путем слияния нескольких ледниковых стоков.

В жаркую погоду, когда солнце стоит в зените над головой, лучше всего наблюдать жизнь ледника. Через каждые 30–40 минут раздается подобно пушечному выстрелу оглушительный грохот. Ледники разламываются, отделяются огромные глыбы льда, которые летят вниз, нарушая тишину гор глухим треском.

К сожалению, было еще рано, когда мы проходили около ледника Большого Азау. Солнце еще только взошло, было довольно холодно, и поэтому явление ледопада мы наблюдать не могли.

Вступаем в полосу вечных льдов. Ледяные поля Эльбруса раскинулись на огромном пространстве, занимая площадь, равную около 150 кв. км. Этот величайший ледяной покров, сковывающий Эльбрус, сползает и обрывается в разных направлениях ледниковыми языками: общее количество ледников на Эльбрусе – 78, из них: первого порядка – 15, второго – 62.

Глетчеры Эльбруса спускаются во многих местах ниже снеговой линии, проходящей здесь на высоте 3000–3500 м. Наиболее низко сползающие ледники – это Малый Азау (2325 м), Ирик (2552 м) и Терескол (2625 м). Если сравнить ледники Эльбруса с другими ледниками Кавказа – кто ниже всех спустил свой язык, побил, так сказать, ледниковый рекорд, то это – красивый с замечательно чистым, прозрач-

но-голубым льдом Цейский ледник.

Ледники Эльбруса по величине своей уступают ледникам Адай-хоха, Шхары, Коштан-тау и Дых-тау. Достаточно сравнить для этого длину эльбрусских ледников, равняющихся в среднем 2–3 км, с ледниками Цея (7 ½ км), Лекзыра (12 ½ км), Дых-су и Цаннера (13–14 км), Карагом (15 ½ км), не говоря уже о величайшем глетчере Кавказа – Безинги, вытянувшемся в длину на 18 км. Небольшую длину ледников Эльбруса можно объяснить тем, что ледяной покров его сползает не одним или двумя потоками, а множеством ледяных языков.

Дорога по снегу не трудна. Он достаточно тверд, нога не проваливается; к тому же подъем совсем не крут.

Яркий солнечный свет, отражаясь от снеговой поверхности, режет глаза. Приходится, чтобы не повредить их, надеть очки-консервы. Яркий отраженный свет, с большим количеством ультрафиолетовых лучей, разрушающе действует на сетчатку глаза.

Причудливые пики гор Главного Кавказского хребта, Эльбрус и снеговые поля окрашиваются для кого в синий, для кого в желтый или серый цвет, в зависимости от окраски стекол очков-консервов. Нам приходится надолго расстаться с естественным светом. Всю дорогу до «Приюта одиннадцати», до вершины и обратно пришлось пройти в очках. Только изредка, на 15–20 секунд, поднимешь их для того, чтобы полюбоваться зеркально-белым снегом, рассыпанным брилли-

антовыми огоньками, с темными обнаженными выступами скал, резко выделяющимися на ярко-лазуревом небосклоне.

Погода прекрасная.

Впереди спокойно, величаво, совсем, кажется, близко возвышаются две белые головы Эльбруса.

Идем цепью. Трещин пока нет. Солнце, поднимаясь все выше и выше, начинает понемногу припекать нас. Приходится постепенно стягивать шлем, свитеры, перчатки.

Но вот начинают попадаться первые трещины.

Трещины в ледниках образуются вследствие движения последних. Следует различать: а) краевые трещины по краям ледника, наискось к середине, б) поперечные – разламывающие ледник вследствие движения его по неровному, с крутыми склонами, ложу и, наконец, в) продольные, которые образуются главным образом тогда, когда ледник, скованный ущельем, выходит в широкую долину. В этом случае он как бы растекается, делясь на отдельные продольные полосы. Самые опасные для туриста – боковые трещины, которые постоянно засыпаются обваливающимися с гор снежными лавинами, щебнем и камнями. Здесь легче всего оступиться, сделать неосторожный шаг, провалиться в не совсем твердую снежную пробку. Вообще через ледники следует ходить очень осторожно.

На нашем пути пока попадают узкие трещины, через которые легко перешагиваем, но чем дальше – они шире, их становится больше. Уж не перешагнешь, приходится пере-

прыгивать.

Жестами и мимикой спрашиваем Омара, не нужно ли связаться веревкой, но он отрицательно махает головой.

Солнце взошло уже довольно высоко, и раскаленные лучи его начинают растапливать снежный покров Эльбруса. В глубине чернеющих трещин шумит вода, в талом снеге образуются ручейки. Чу! Слышен раскатистый удар. Где-то далеко обвалилась льдина. В мертвой и окаменелой природе чувствуется биение жизни.

Подходишь осторожно к краю глубокой, с совершенно отвесными краями трещине. Заглядываешь вглубь – полированные края окрашены в голубовато-синий цвет, переходящий постепенно в совершенно черный. Дна не видно. Только глухой рокот воды свидетельствует о том, что где-то далеко внизу имеется конец этой узкой, искривленной скважины.

Некоторые из наших товарищей стоят в нерешительности.

– Прыгать или нет?

– А что, если у края нога подвернется?! А что, если поскользнешься?!

Ширина трещины не больше 2–2½ шага. Глубину определить трудно. Во всяком случае – не менее 100 м. В других условиях, будь на дороге канава, овраг, ручей в 2½–3 шага – никто не задумываясь перепрыгнул бы. А здесь некоторые чувствуют себя как-то неловко – кружится голова, в ногах ощущается слабость.

Для горвосхождения необходима не только физическая

закалка, но и известная психологическая тренировка. Прыгая через трещины, нужно приучить себя не думать о том, что очень глубоко, и как ты будешь лететь, когда сорвешься в трещину, а внимательно смотреть на другую сторону, выбирая удобное место для ноги.

Но вот широкие, большие трещины миновали. Легко перепрыгиваем через более мелкие. Наконец, и их уже не стало. Впереди расстилается ровный фирн. Мы идем без кошек. Они здесь нам совершенно не нужны, подъем сравнительно пологий. Нога не скользит, а плотно входит в разрыхленный снег.

Неожиданно слышим чьи-то окрики. Останавливаемся. Нас догоняют почти что бегом какие-то два парня. Они очень легко одеты – в летних рубашках, поверх которых накинута пиджаки. На головах легкие кепки. У одного на глазах очки-консервы, другой прикрывается носовым платком.

– Куда? – задаем вопрос.

– Как куда?! На вершину Эльбруса! Видите, какая погода хорошая, – получаем бойкий и задорный ответ.

– Смотрите, как близко, через полтора-два часа будем уже на вершине. Думаем там отдохнуть не более получаса, а затем к вечеру обратно.

Стараемся разубедить их. Объясняем, что на «Приюте одиннадцати» необходима ночевка. Ночью бывают морозы. Без теплой одежды пропадешь.

Наши уговоры не оказывают действия. Ребята молодые.

Смелость, как говорят, города берет. Немножко иронически бросают нам:

– Ползите с вашим скарбом, может быть к вечеру доберетесь до «Приюта одиннадцати».

Через несколько минут их след уже простыл.

Медленно поднимаемся все выше и выше. Кругозор давно скрылся из наших глаз. Со всех сторон растянулись безбрежные фирновые поля.

Несмотря на то что мы находимся в области вечного оледенения, с нас градом льет пот. Солнце печет невероятно. Снимаем с себя все, что возможно. Наш иностранный коллега по восхождению, Эрих Брешар, хочет стащить нижнюю рубашку и попробовать принять солнечную ванну на Эльбрусе. Мы отговариваем его, зная действие солнечных лучей в подобных условиях. Термометр показывает плюс 35, а внизу около снега – холод.

– Однако недурно, – замечает Щеглов, расковыривая альпенштоком рыхлый снег, под которым бежит вода.

Пересохшее горло требует влаги. Но сейчас пить нельзя. Жажду все равно не утолишь, только создашь лишнюю работу для сердца. Но соблазн чересчур велик. Становишься на четвереньки, наклоняешься и прикладываешься сухим, разгоряченным ртом к ледяному ручейку. Делаешь несколько маленьких глотков: благоразумие все-таки берет верх.

– Довольно. Попробовали и хватит, – ругаются товарищи, оттаскивая присосавшегося к ледяной воде.

Три часа как мы идем по фирновым полям. Разреженности воздуха не чувствуешь. Но усталость начинает сказываться на некоторых из наших товарищей.

Дорога портится. Снег становится очень рыхлым и ноги местами проваливаются по колено, идти приходится осторожно, медленно, отыскивая на снегу крепкий грунт. Рюкзаки, поверх которых привязаны ремешками бурки, кажутся трехпудовыми гирями.

От частых провалов в снег намокают костюмы. Некоторых эти снежные ванны начинают нервировать: снег забирается в ботинки, рукава. О руках говорить не приходится – они всегда мокрые.

При каждом провале, особенно когда начинаешь вылезать из этого рыхлого снега, развязываются или обрываются ремешки, которыми пристегнута бурка. Приходится делать остановку. То и дело слышится крепкое словечко. Кое у кого усталость проявляется все больше и больше – частые отставания, одышка, бледность лица, глаза мутнеют.

– Ну, как? – спрашиваешь уставшего.

– Ни-и-и-чего, – слышится глухой ответ.

Старается сделать улыбку, а глаза смотрят дико. Горная болезнь, эта непрощенная спутница туристов, забирающихся на горные высоты, посетила и нас.

Первый пал от нее доктор нашей экспедиции, Склярский. Бледный, шатающийся от усталости, продрогший от холодного ветра, Склярский не мог идти дальше. Пришлось осво-

бождать его от рюкзака, бурки и всего багажа. С трудом вымучивая свой каждый шаг, при помощи Омара бедный доктор еле тащился с частыми остановками, задерживая всех.

Горная болезнь – это бич для альпиниста. Она проявляется различными способами. Главнейшие ее признаки – головокружение, общая слабость, особенно в ногах, одышка, сердцебиение. Симптомы тяжелой формы этой болезни выражаются в кровотечении из горла, носа, наконец в обмороках.

Опасность заболевания заключается также в том, что у больного притупляется инстинкт самосохранения. Заболевшему альпинисту хочется спать, хочется лечь, отдохнуть все равно где. Он не хочет понимать, что снег – это неподходящее ложе для отдыха. Ему безразлично все – холод, трещины. Опасности в пути не существуют для больного.

Медицина до сих пор точно не установила причины горной болезни. Основной причиной являются непривычные условия, в которые попадает человеческий организм при высокогорных путешествиях. Человек подвержен горной болезни обычно на высоте около 3000 м, т. е. на такой высоте, где лежат вечные снега. Эти места характеризуются уменьшенным атмосферным давлением, меньшим, чем обычно, количеством кислорода, крайне нужным для правильного дыхания и кровообращения, резкими колебаниями температуры воздуха (ночью мороз, днем жара), инсоляцией, т. е. прямым действием солнечного света, насыщенного ультра-

фиолетовыми лучами. Эти непривычные условия, а также повышенная работа наших мышц, необходимая при трудных, продолжительных подъемах, и является причиной заболевания горной болезнью, известной уже обитателям горных местностей с седой древности.

Более или менее определенно говорит о признаках горной болезни известный немецкий натуралист и путешественник, основоположник современной физической географии А. Гумбольдт (1789–1859), у которого при подъеме на одну из высоких снежных гор началось кровотечение из горла.

Солнце печет еще достаточно сильно. Но изредка чувствуются легкие ледяные дуновения Эльбруса. Как только солнце начнет склоняться к закату, будет мороз. Нужно торопиться. Но наша группа ползет медленно, как черепаха.

Неожиданно раздается окрик:

– Свежие следы на снегу!

Кто-то недавно шел до нас. Не один след, а множество.

– Товарищи, это нога не человека, это следы лошадей или ишаков.

Вспоминаем, что перед нами выступил Раковский с частями будки, которую он должен установить на Приюте одиннадцати. Вероятно, это следы от ишаков, которые волокли сюда эту ношу.

Все чаще и чаще всматриваемся вверх. Где же долгожданный Приют одиннадцати?

Различаем где-то далеко впереди две черные точки. Точ-

ки быстро приближаются к нам. Вскоре узнаем двух героев, которые так гордо обогнали нас около ледника Большой Азау. Сейчас вид у них – пришибленный, носы – синие, а сами трясутся мелкой дробью.

– Ну, как, побывали на обеих вершинах Эльбруса? – теперь уже мы ехидно спрашиваем их.

– Н-н-нет, – слышится слабый, еле внятный ответ.

– Вершины оказались далеко. К тому же холодно.

– А у меня глаза немного того, – заявляет другой, – боюсь их испортить.

– Ну, всего хорошего, товарищи! Торопимся засветло спуститься к Кругозору.

И опять побежали, только вниз, наши юные альпинисты.

Еще около часа медленно ползем вверх. Наконец вздох облегчения. Впереди четко вырисовываются на ярко-белом фоне крутые, почти черные камни Приюта одиннадцати. Скоро, скоро отдых.

После 6½ часа подъема по фирновым полям мы, наконец, ступаем на лавовые обнажения Приюта одиннадцати. Навстречу выбегает исчезнувший Шендригайлов, чтобы реабилитировать себя после неудачного восхождения на хребет Юсеньги, он один, отделившись от нашей группы, быстро начал восхождение и почти на час раньше дошел до Приюта, благополучно миновав ледниковые трещины.

На скалах Приюта одиннадцати

Скалы Приюта одиннадцати получили это название после ночевки на них в 1909 году 11 альпинистов, которые пытались, но не дошли на вершину Эльбруса. Они впервые обнаружили, что эти скалы являются самым удобным местом для ночевки перед подъемом. Скалы представляют огромные лавовые выступы из-под фирна, между которыми имеется небольшая площадка, где альпинисты могут укрыться от снежных буранов, свирепствующих так часто на этих высотах.

Подойдя вплотную к скалам, мы увидели необычную картину для этих мест. На пустых, необитаемых скалах, среди вечных снегов кипела жизнь: известный альпинист инженер Раковский, по поручению центрального правления Общества пролетарского туризма, устанавливает будку, которую он частями притащил на эту высоту с помощью сванов.

Будка далеко еще не готова. Пока установлен один только деревянный остов. Работа движется очень медленно. Сваны, вызванные через Донгузорунский перевал из Сванетии, оказались плохими строителями. К счастью, в составе нашей экспедиции был плотник. Это – тов. Шендригайлов, который, отказавшись от подъема на вершину Эльбруса, решил остаться на Приюте, чтобы помочь Раковскому в постройке будки.

Против решения тов. Шендригайлова мы не возражали, так как понимали, что будка на такой высоте – целый клад для альпинистов. Мы же сами были очень довольны, что она еще не готова, и нам придется ночевать в таких же условиях, в каких были счастливцы, поднявшиеся на вершину до нас. Мы были даже в худших условиях, чем они: у нас не было примуса и спальных мешков, а ночевать под бурками, в раскинутой палатке, при температуре, которая с закатом солнца быстро падала, спускаясь ниже нуля, не так уж уютно.

Раскидываем палатку, закрывая края полотнищ большими камнями, чтобы не дуло. Раскладываем бурки. Быстро, пока еще не так холодно, переодеваемся во все теплое, что захватили с собой. Ноги у некоторых промокли. Растираем их коньяком, который заменяет нам спирт. Здесь же готовим себе обед. Воду берем из ручейка, который выбегает из-под камня, внизу, с южной стороны скалы. К вечеру этот ручеек замерзает, и если своевременно не запасешься, то останешься без воды. Раскрываем консервы – шпроты, баклажаны. Режем копченую колбасу. Хлеба у нас нет, мы и не брали его с собой. Имеются хорошие сухари и печенье.

Досадно, что нечем согреться. У Раковского примус, но очень немного керосину, и неизвестно, когда он закончит установку будки. Поэтому от мысли воспользоваться его примусом приходится отказаться. Бегаем в палатку к нему сушить ботинки и носки.

После небольшого совещания решаем начать восхожде-

ние на Восточную вершину в час ночи при лунном освещении. Правда, опыт Грузинского географического общества показал, что не нужно форсировать восхождение на вершину, а подниматься постепенно. Так, под руководством Николадзе совершено было восхождение в августе 1925 года грузинской экспедиции на восточный конус Эльбруса, причем вершины совершенно свободно достигли все члены экспедиции, состоявшей из 19 человек, в том числе 5 девушек. Успех такого массового восхождения объясняется тем, что они вынуждены были из-за тумана пробыть на скалах Приюта 4 дня. За это время организм свыкся с условиями высокогорных местностей и позволил легко совершить последний, наиболее трудный и ответственный рейс.

Когда мы встретились с Раковским через несколько дней в Тегенекли, он уверял нас, что они так свыклись с условиями снежных высот, что свободно обходились без очков-консервов при солнечной погоде на фирновых полях.

Использовать опыт экспедиции Грузинского географического общества мы не могли. У нас время было считанное: мы были связаны отпусками. Лишние сутки сокращали время для дальнейшего пути. А дорога перед нами была еще большая – через снежный перевал в Сванетию, там километров 150–200 пешком, затем снова через перевал – на Кутаис. К тому же мы немного опасались, что установившаяся хорошая погода изменится к худшему. Нужно было спешить, хотя было бы, конечно, лучше последовать указаниям руково-

дителя грузинской экспедиции. В этом мы особенно убедились на другой день.

Солнце уже давно скрылось. Термометр показывает -12° . Это в июле-то месяце, да еще на юге!

Палатка для 10 человек была тесна. Ноги Тизенгаузена упирались в живот Еланчика. Ноги Еланчика подпирали щеку Братолюбова. В углу, сдавленный со всех сторон, тихо стонал Шендригайлов.

Ночь на 22 июля была проведена беспокойно. Часто просыпались, выглядывали из палатки. К 11 часам ночи весь Эльбрус потонул в холодном, ледяном тумане. Мы тревожно переговаривались, чтобы не разбудить спящих товарищей. Казалось, не было надежды на подъем: погода испортилась, холодно, все устали, к тому же неудобная ночевка.

Двенадцать часов ночи. Пронзительно свистит разыгравшийся ветер. То надуваясь, то опять ослабевая, громко шлепают полотнища палатки. С трудом цепляя всех ногами, вызывая ворчание полусонных товарищей, вылезает наружу. От ледяного объятия ветра дрожит все тело и щелкают зубы. Луна и гребень гор потонули в тяжелой облачной завесе.

О выступлении на вершину через час нечего и думать. Не было бы хуже. Ведь может подняться буран, и нам придется несколько суток отсиживаться на этих скалах, среди льдов и фирновых полей. Кто может знать капризы великана Эльбруса?

Кажется, никто не спит спокойно: часто ворочаются,

слышны перешептывания.

К 2½ часа ночи ветер стал ослабевать, и вскоре совсем затих. Небо очистилось. В голубых лучах луны купался Кавказский хребет.

Штурм Восточной вершины

Переговорив с Омаром, будим спящих. Нужно быстро подниматься для подъема.

Трое не идут на вершину: это – Склярский, который со вчерашнего дня скверно себя чувствует, Шендригайлов, откомандированный нами на выполнение более важного дела для альпинизма; остается также Эрих Брешар – ему запретил подниматься старший брат, Рудольф.

Остальные – Щеглов, Тизенгаузен, Еланчик, Братолюбов, Самарин, Р. Брешар и проводник Омар – быстро готовят себя в боевой вид.

Стояла морозная, тихая, зимняя ночь.

Нам не нужно брать с собой все то, что мы тащили на эти камни. Нужно иметь в виду большую трудность подъема в разреженной атмосфере, с малым количеством кислорода. Притом мы должны в этот же день вернуться обратно.

Еще со вчерашнего вечера на нас надето все теплое – егерское белье, шерстяные чулки, свитеры, поверх которых надеты гимнастерки.

Надеваем шлемы, подвязываем к поясам кошки, разбираем ледорубы и альпенштоки. Карманы набиваем сахаром и шоколадом. Аптечка, которую нам приготовил доктор Склярский, очень проста: йод, вата, два бинта и, на случай горной болезни, нашатырный спирт и аспирин. Альпийский

трос (веревку) не берем, т. к. дальше ледниковых трещин не будет. В карманах у нас фланелевые маски для защиты лица от ультрафиолетовых лучей, которые на больших высотах поражают не только глаза, но и кожу.

К 3½ часа приготовления закончены, и мы выступаем.

– Смотрите не подкачайте! – напутствуют нас остающиеся.

Идем все в каком-то торжественном молчании. Через 10 минут спохватились. Фотокорреспондент краевой газеты «Молот» тов. Братолобов нарушил главную свою профессиональную привычку – забыл статив с панорамной головкой. Охваченные горячкой восхождения, некоторые настаивают, не задерживаясь, продолжать подъем.

– Товарищи, мы лишаемся возможности сделать точные панорамные снимки окружающей вереницы гор, – возмущается Еланчик и, быстро сбежав по скалам, возвращается с забытым инструментом.

Поднимаемся ввысь. Вид – чарующе феерический: внизу, в бледном освещении луны, четко вырисовываются макушки высочайших гор Кавказа, а на севере, над снеговыми полями, загадочно, как сфинксы в предрассветном мраке, маячили белоснежные конусы Эльбруса. Мирно дремавший Приют одиннадцати скрылся.

Небо – светлее и светлее. Восток, загораясь, окрашивает в розовый цвет снежные вершины хребта, которые, по мере нашего подъема, уходят все ниже и ниже, разворачиваясь

вширь и в длину. Вершины скучиваются и теряют свой грозно-неприступный вид, приобретая в то же время какую-то своеобразную дикость. Под ногами скрипит замерзший снег.

По описанию тех, кто дошел до нас на вершину, с Приюта одиннадцати они надевали кошки, но мы этого не делаем. Подбитые к подошвам гвозди обеспечивают достаточный упор нашим ногам. Несколько раз останавливаемся, чтобы дать возможность Братолюбову заснять окружающую панораму.

Холод чувствовался очень сильно. Небольшой ветерок леденит лицо. Хотелось, чтобы скорее выглянуло солнышко. Подкрепляемся шоколадом.

Вскоре начинает сказываться разреженность атмосферы. Мы наметили примерно такой темп восхождения: 25 шагов подъема – 10 секунд отдыха, в следующий этап 25 шагов – 25 секунд, 10 шагов – 10 секунд, 10 шагов – 25 секунд. Одним словом, темп нашего движения дальше должен быть таков, чтобы переходы постепенно уменьшались, а отдых соответственно увеличивался.

Дорога шла по твердому фирну довольно ровно, но достаточно круто. Казалось, до вершины – совсем недалеко. Но это только казалось.

Впереди виднеется небольшая гряда камней, это так называемый «Приют Пастухова». В прошлом столетии достиг вершин Эльбруса впервые из русских альпинистов известный военный топограф Пастухов. На эти виднеющиеся кам-

ни его несколько раз сволокивали без памяти сопровождавшие горцы. Но, будучи очень настойчивым альпинистом, он опять стремился ввысь, и в результате 13 июля 1890 года достиг Западной вершины в сопровождении казаков Нехорошего, Таранова и Мерного, а второй раз взошел на вершину 29 августа 1896 года.

Подъем становится все труднее и труднее. Темп продвижения приходится все время сокращать. У Братолюбова начинаются приступы горной болезни. Пройдя еще немного, он решает идти обратно, возвращается с ним и Самарин, который с самого начала не ставил себе целью восхождение на вершину.

Мы заранее условились, что никакого принуждения и никаких препятствий для отстающих мы чинить не будем. Обратный спуск должен производиться каждым самостоятельно, без всяких провожатых. По издавна установившимся правилам горовосхождения проводник идет до вершины, какая бы по численности ни была группа – хоть один человек.

Было досадно, что не придется дальше делать фотоснимков.

Почему-то жмем друг другу руки. Нас осталось пять.

Как мы после узнали, с Братолюбовым при съемке горной панорамы сделался внезапный приступ горной болезни, он упал в обморок и покатился по откосу. Очки-консервы разбились, порезав стеклами его лицо. Если бы не своевременная помощь Самарина, который задержал его и привел в чув-

ство, Братолюбову угрожал бы не совсем приятный «санный путь» по ледяным полям Эльбруса.

Между тем, не зная, что произошло сзади нас, мы мерно и методически поднимались вверх.

Солнечный диск – уже высоко. Все освещено его лучами, но они не греют.

Еще одна потеря. Щеглов лаконически заявляет, что он промерз насквозь, что солнце хотя и взошло, но вряд ли на такой высоте будет греть, поэтому он возвращается обратно.

Настроение понижается. Возвращение Щеглова как-то подрывает веру в успех восхождения.

В четвертом часу достигаем Приюта Пастухова, представляющего небольшую грудку камней. Название Приюта – очень условно: укрыться от снежного бурана здесь невозможно, кругом все открыто.

Располагаемся на отдых. Закусываем шоколадом и сыром, которым угощает нас Омар. Разговор не клеится, да он и не может клеиться, так как из четырех человек один говорит по-балкарски, один по-немецки и двое по-русски.

Прошло полчаса. Отдыхать долго нельзя – нужно лезть дальше.

Дорога становится однообразной – снег, снег, только один снег.

Впереди медленно двигается проводник. Слышны ровные удары ледоруба, а затем серебряный звон катящихся по откосу кусочков фирна. Ленточкой движется вся наша группа

по свежесрубленным ступеням.

Солнечные лучи слишком ярки. Опасаемся за часть лица, не закрытого очками-консервами и шлемом. Но фланелевые маски, которые у нас в карманах, не надеваем на лицо – воздуха и так слишком мало.

Подъем становится заметно круче. Время бежало, но расстояние до седловины как будто не уменьшалось.

Уж давно погасли, потонули в белоснежной пустыне две маленькие точки Пастуховского приюта. Ноги налились свинцом, в груди бешено клокочет сердце.

После Приюта Пастухова очень резко стала сказываться разреженность воздуха. Через какой-нибудь час ходьбы вся наша «планово-отдыхательная» шкала была до конца исчерпана. После 10 шагов мы отдыхали уже не 25 секунд, а до тех пор, пока не восстановится полностью дыхание. Другого выхода не было, иначе дальше идти было нельзя. В голове шумело, шоколад в рот лез очень туго. С удовольствием проглатывали сочные куски лимона. Лицо не перекашивалось от этого, а скорее наоборот – лимон расправлял горловые судороги. Натирали виски коньяком, затягивались, как хорошей сигарой, нашатырным спиртом – после этого в голове свежело, усталость исчезала и казалось, что снова можно двигаться свободно вперед. Кажется, что можно пройти шагов 50, но делаешь 10 – и опять такая же история.

Минуты бежали за минутами, а расстояние до седловины не уменьшалось. Где-то в глубине росло недовольство на эту

проклятую седловину. Идешь, идешь, а все без толку. Губы обсыхают – дышишь и ртом и носом, жадно хватаешь холодный, ледяной воздух, наполняя им легкие до отказа. Чаше хватаешь нашатырь, нюхаешь его до слез. Резко – секундное облегчение, а затем – снова пулеметная дробь в сердце.

Но вот конусы совсем уже близко – они разошлись, сплошная белизна их потерялась, на Восточной вершине видно много камней и выступов.

С южной стороны, т. е. прямо, подъем очень крут. Его нужно совершать сбоку, дойдя до седловины. Берем влево, чтобы обогнуть вершину. Бесконечно долго вымучивается путь.

Седловина вот-вот, почти около нас. Но, во-первых, она не так близка, как кажется, а во-вторых, мы ползем, как черепахи, изнемогая от недостатка кислорода, которого здесь почти в два раза меньше, чем в тех атмосферных условиях, с которыми сжился человеческий организм.

Панорама – колоссальна: за Главным Кавказским хребтом видны Сванетские Альпы, а на западе открылась темно-синяя даль, имеющая резкую границу с небосклоном, и нам как-то не верится, что это – Черное море.

Но все это не вызывает восторга. В измученном организме нет места эстетике. Любознательности осталось также немного. Но юмор нас не покинул: мы улыбались, вспоминая, как Грове, который первый взошел на Западную вершину в 1874 году, описывая это место, признавался, что ему в

голову начали приходиться мрачные мысли. Он начал вспоминать глупости, которые он совершил в жизни, и самой большой глупостью ему казалось это восхождение.

Остановки становятся все продолжительнее и чаще. От медленного движения тело не согревается. Ледяной холод пробирается в руки, ноги и распространяется по всему телу. Температура падает все ниже и ниже. Солнце играет чисто декоративную роль, прямо, как в поговорке: «Светит, да не греет».

Тревожно: ведь еще нет седловины, а от седловины извольте не идти, а карабкаться до вершины. Отгоняешь тревожные мысли. Нужно идти вверх, идти во что бы то ни стало. И мы идем.

Разговоры давно иссякли. Гробовое молчание. Скрип снега, глухой стук ледоруба. На остановках обращаешь лицо к солнцу – хочется хоть немного согреть замерзающий нос.

Но вот, наконец, седловина. Высота 5321 м. Если исключить конусы, мы – на самой высокой точке Европы. Следующая после Эльбруса по высоте – гора Дых-тау, 5205 м.

Западная вершина кажется совсем близкой – только перебежать небольшое снеговое поле. В действительности же до нее $1\frac{1}{2}$ км.

Отдыхаем около получаса. Настроение улучшается. Готовимся к последнему бою.

Испытав, каким тяжелым грузом является при таких подъемах каждая небольшая вещь, мы оставляем все, что

возможно, вплоть до кошек, хотя отсюда и хорошо виден крутой подъем на конус.

Начинаем атаку. Пробуем взять интервал для нашего марша в 20 шагов, но это только попытка с негодными средствами – подъем чересчур крут, а воздух... где он, хороший, прославленный горный воздух?!

Приходится применять здесь и руки: карабкаешься в полном смысле этого слова. В одной руке ледоруб или альпеншток, другая хватает холодный, острый камень.

Двигаемся осторожно. Прежде чем схватиться за камень, наступить на него ногой, найти для себя новую точку опоры – пробуешь, крепко ли стоишь на ногах. Начинаем жалеть, что не надели кошки.

Изредка поглядываешь вниз. Седловина постепенно проваливается и уходит все дальше и дальше.

На западе показались темные облака. Напрягаем последние силы. Цель уже реальна, ощутима. Вот уже скоро, скоро вершина.

Облака быстро приближаются. Западный конус почти не виден.

Эльбрус, как огромный магнит, быстро притягивает облака, которые подобно дымовой завесе окутывают далекие вершины гор и несутся, подгоняемые холодным ветром, к его исполинской голове.

С последними остатками сил, перенапрягаясь выше всякой меры, мы ползем, цепко хватаясь за камни. Кажется, что

забыты все опасности, в мозгу только одна мысль: успеть дойти до вершины быстрее облаков, ведь осталось совсем, совсем мало.

Мы ползли по конусу полтора часа. Омар объяснял нам, что можно было идти другим путем, более пологим, но и более длинным. Мы же, боясь обманчивых горных расстояний, избрали более короткий, но крутой подъем.

Было безумно трудно идти – подымались, сидели в снегу, падали на него, отдыхали.

Кажется, мы истратили весь наличный запас своих сил.

Пульс учащенно бился. Мы дышали, как хорошо загнанные собаки. Не хватает кислорода. Стараешься как можно больше проглотить воздуха и скорее с силой выбросить его, чтобы получить еще такую же порцию. Мелькает мысль, что при таких частых и глубоких затяжках можно очень легко заполучить воспаление легких. С досадой отгоняешь подобные мысли, как совершенно ненужные и крайне несвоевременные. Во рту пересохло. Лимоны истреблены.

Еще 20–30 м до вершины.

Предательские тучи, наподобие легкого тумана, начинают окутывать нас...

Вдали отрывистые, бесформенные лохмотья облаков представляют уже сплошную темно-серую массу. Начинает порошить мелкий снег.

Вершина уже ясно видна – физически ощутима.

Мы – на Восточной вершине Эльбруса 5592 м!

Еще один последний порыв – и мы чувствуем, что наш тернистый путь закончен.

Садимся и неподвижно замираем. Кругом туман. Мы на краю кратера потухшего вулкана.

Поверхность вершины имеет продолговатую форму, немного напоминающую подкову, вытянувшуюся с запада на восток. Много лавовых обломков.

Когда-то из этой воронки, на краю которой мы сидим, изливался раскаленный поток лавы, и, может быть, это было в период исторического существования человечества. Ведь древние географы описывали Эльбрус, как огнедышащую гору. Согласно одному греческому мифу, главный греческий бог Зевс приковал к Эльбрусу героя-великана Прометея за то, что он похитил с неба для людей огонь. «Озверевший Зевс» не ограничился этим наказанием, а приказал орлу клевать печень Прометея. Прометея спас другой греческий герой, великан Геракл, убив орла и примирив Прометея с Зевсом.

Миф этот, как и вообще все религиозные представления, является сплошным вымыслом, сказкой. Такие вымыслы создавали народы на ранней ступени своего развития, еще не умея дать правильного объяснения окружающим явлениям природы, вторгающимся в их хозяйственную жизнь. Но очень часто в мифах, легендах в искаженном виде, в фантастических сплетениях изображается факт или явление, которые когда-то были в действительности. Например, навод-

нение таких малоазиатских рек, как Тигр и Евфрат, послужило основанием для создания библейского мифа о Всемирном потопе.

Следы лавового потока здесь на каждом шагу в виде лавовых выступов, камней, шлаков и осыпей. Есть целый ряд данных, говорящих за то, что вулкан Эльбрус не совсем остыл. Из берегов рек, вытекающих с Эльбруса, выбегают минеральные источники, выделяющие углекислый газ. Некоторые из них имеют высокую температуру: в 1923 году на Кавказе было сильное землетрясение, и ученые полагают, что вероятным эпицентром (источником) этого землетрясения являлся Эльбрус. Все эти данные говорят, что этот великан не умер, а спит. Кто знает, может быть, опять он пробудится, и из его пасти разольется по склонам огненная лава, растапливая снег и разрушая породы.

Поднимаясь на Эльбрус, мы, конечно, не собирались делать геологических наблюдений, но все же хотелось полазить по вершине. Но снегопад усиливался. Досадно было, что Северный Кавказ, который открывается с вершины, закрыт был идущим снегом.

Стоим еще две-три минуты на вершине. Омар начинает торопить нас, показывает на следы, которые быстро заносит падающий снег. Приходится отправляться в обратный путь.

Спуск был праздником для нас. Тот подъем, на который мы затратили колоссальное количество энергии, до смешного легко миновали мы при спуске. Осторожно слезая, мы

по крутому склону конуса в какие-нибудь полчаса или того меньше были уже на седловине.

Снег все усиливался и усиливался. Вокруг уже ничего не видно. Отыскиваем камень, где мы оставили кошки и другие мелкие вещи. Кошки быстро надеваем на ноги. Нужно спешить. Если начнется ветер, то мы погибнем в снежном буране.

Почти бежим вниз. Следы заметены.

– Держись за руки!!.

Неожиданно, как из жерла колоссального орудия, вырвался ветер.

«У-у-у-у» – завывало по снежным склонам, казавшимся безбрежными. Падающий снег смешался со снегом, который тучами взрывался ветром.

Слепило глаза. Все смешалось в белом хаосе. Взавшись крепко за руки, развернутым фронтом бежим вниз.

Ветер продолжал стонать, на наших глазах нагоняя сугробы и тут же разметая их. Размышлять о критическом положении было некогда, нужно скорей бежать. И мы бежали.

Но вот неожиданно перед самым носом вырисовываются камни Приюта Пастухова. Омар без компаса, нюхом охотника-горца, берет правильное направление.

Разгоряченные бегом, мы как-то мало замечаем, как буря начинает постепенно утихать. Густо идет снег. Еще минут 15–20 – и опять наступило горное безмолвие.

Замедляем темп. Опасность миновала. Чувство тревоги

сменяется радостью, что ты в своей жизни пережил бурную симфонию гор, которая и сейчас, при воспоминании об этом, звучит отдельными, но грозными аккордами.

Дышать становилось все легче и легче. Снегопад затихал. Внизу видны скалы Приюта одиннадцати.

Еще немного, и мы у места нашей стоянки. Окружившие товарищи осыпают нас вопросами.

Будка почти готова. Шендригайлов, Склярский и несколько балкарцев пришивают последние листы железа.

Узнав о случившемся несчастье с Братолюбковым, подшучиваем над его расцарапанной физиономией, но все смеются, указывая на наши лица. Кто-то подает зеркало, и мы удивленно смотрим на волдыри, которые покрывают наши лица: ультрафиолетовые лучи на большой высоте оказали свое действие.

Из цейсовского бинокля Раковский и наши товарищи по путешествию наблюдали наш подъем и очень волновались, когда начался снегопад.

Зовут в палатку ужинать. Для того чтобы согреться, пьем чай с коньяком.

Начинает темнеть.

Щеглов, Тизенгаузен, Еланчик и Шендригайлов ложатся еще в недостроенной будке. Остальные решили провести вторую ночевку на старом месте, в палатке.

Нельзя сказать, что ночевать в будке было очень тепло. Ведь она еще была не готова. Железные стенки промерзли

настолько, что от них шел «могильный холод». Но все же после пережитого на высоте 4100 м мы чувствовали себя, как дома.

Через облака на Кругозор

Наступило утро 24 июля. Собираться в обратную дорогу мы не спешили. Дожидаемся Шендригайлова, который принимает деятельное участие в окончательной достройке будки. Раковский угощает нас консервами и горячим чаем. Выяснилось, что керосину ему хватит. Плотно закусив, снаряжаемся в обратный путь. Флягу с водой, оставленную на ночь снаружи, разорвало: вода в ней превратилась в лед.

В 9 часов начинаем спуск.

Внизу, как вата, навалены облака, из которых торчат только верхние части хребта. Над нами солнце – Эльбрус улыбался, а там, внизу, – пасмурная погода и, может быть, льет дождь. За двое суток мы свыклись с горной природой, сжились с ней, но было как-то странно спускаться в облака. Через облака на «Кругозор». Через час мы вошли в туман. Чем ниже, тем гуще он становился. Скоро начался снегопад. Поджидаем Братолюбова и Шендригайлова, которые сильно отстали, делая панорамный снимок.

Теперь нужно идти всем вместе, не теряя друг друга из поля зрения. В таких условиях, отстав или уйдя вперед, можно легко отбиться, потерять группу и стать перед не совсем приятной задачей – одному выбираться из тумана, тем более что ледниковые трещины еще впереди.

Снегопад усиливается. Ноги глубоко проваливаются в

снег. Омар начинает замедлять движение. Нужно быть осторожным, так как мы подходим к району ледниковых трещин.

Трещина опасна тогда, когда она замаскирована, засыпана или, вернее, запорошена снегом. Ступнув на такое место, провалишься через снег, полетишь в ледниковую пропасть и наверное обретишь себе могилу.

Идем медленно. Втыкаем ледорубы в снег. Если он уперся в твердый лед или фирн, продвигаемся дальше. А иногда ледоруб проваливается, что называется, до отказа. Поворочав им немного, видишь, как снег проваливается, осыпается, и вырисовывается зияющая трещина. Но прыгать через нее рано: нужно определить действительные края. Ведь при прыжке нога может упереться не на лед, а на необвалившийся снег.

– Не связаться ли веревкой? – объясняя, спрашиваем Омара.

Он уклончиво продолжает продвигаться дальше, усиленно работая ледорубом. Может быть, с детства, охотясь один в горах за турами, Омар немного пренебрежительно относится к альпийскому тросу, к этому предохраняющему средству, которое предполагает наличие коллектива.

Вскоре мы залезли в настоящую «трясину» – впереди и с боков нас опоясывали глубокие и широкие трещины.

Казалось, нет проходу. Крупные хлопья падающего снега мешали ориентироваться.

Омар остановился. На наши вопросы он отвечал, как и

всегда: «Не знаю». Но вот он снимает веревку со своего плеча и начинает ее разматывать, подчеркивая тем самым, что положение серьезное и нужно связываться.

Большое умение перебираться через трещины проявил Рудольф Брешар. Связавшись, мы почувствовали, какую большую ценность представляет в горах веревка, которая до сего времени отягощала наши плечи.

Считаем друг друга – не отбил ли кто-нибудь. Нас восемь – где же девятый? Через полминуты выясняется, что Братолюбов, решив заснять нашу группу, в этот критический момент отошел в сторону, рискуя провалиться в трещину. На этот раз профессиональная привычка его не покинула.

Подождав Братолюбова, связанные веревкой, мы начали продвигаться смелее и более энергично.

Снегопад прекратился, и мы благополучно вышли из сети ледниковых трещин. Вскоре показались и осыпи. Мы подошли к Кругозору.

Хотелось скорее, скорее спуститься в живописную долину Азау, полежать на траве среди деревьев, искупаться в горной речушке, хотелось быть среди живой природы, с которой свыкается человек в течение своей жизни и которая в этот момент была нам так близка, так мила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.